
ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ: ДИНАМИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Умереть в России

В.Н. ЛЕКСИН

Большая статья о смерти впервые появляется на страницах журнала «Мир России», и это одновременно и удивительно, и закономерно. Удивительно – поскольку все связанное со смертью органично входит в то, что называется «миром России», и поэтому соответствующая проблематика уже давно могла бы заинтересовать и редакцию, и авторов. Закономерно – поскольку журнал последовательно, из номера в номер открывает читателю Россию как удивительный цивилизационный феномен во всей полноте его проявлений, а смерть, ее бытование, восприятие и культура – из их числа. В недавние (по историческим меркам) времена в России от «меча, мора и глада» вымирали города и области, уходили в небытие целые поколения и в конце концов начала вымирать и сама Россия. Многие предрекают скорую и бессмысленную кончину нашей страны как таковой, но предмет этой статьи – иной: смерть как естественное явление повседневности, с которым сосуществуют все живущие.

Ключевые слова: смерть, смертность, законодательство, ритуальное обслуживание, государственные гарантии, кладбища, цена жизни и погребения

Постановка проблемы

Предмет и задача

Отношение к смерти составляет неотъемлемую и весьма характерную часть каждой культуры. Повседневная смерть различно воспринимается верующими и неверующими, человеком и обществом. Смерть связана с невероятно большим числом суеверий, магических обрядов и традиционных ритуалов. Смерть давно и прочно утвердилась во всех видах искусства – в музыке и кино, в опере и балете, в прозе и поэзии, в живописи и скульптуре, в ландшафтном дизайне и архитектуре. Смерть и все связанное с нею изучают многочисленные науки. Множество действий, совершаемых по поводу смерти отдельными людьми и организациями, регламентируется общегосударственным, региональным и местным правом. Смерть «обслуживается» специализированными видами экономической деятельности и их уникальной инфраструктурой. Каждый из этих сюжетов может стать поводом самостоятельного этнологического, социологического, экономического, правового-

го, философского исследования и предметом отдельной публикации. В этой же статье, которая составлена из нескольких кратко сокращенных и переработанных в соответствии с жанром журнальной публикации разделов и глав подготавливаемой к изданию книги «Смерть в пространстве жизни», я остановлюсь, по сути дела, всего на двух вопросах: *от чего умирают и как хоронят* в современной России. А такие, требующие обстоятельного обсуждения сюжеты, как «Здравоохранение и смертность», «Философия смерти: книжная и житейская», «Смерть в искусстве», «Эволюция обычая и обряда» и ряд других из-за своей объемности остались за пределами текста, предлагаемого сегодня читателям «Мира России»,

Было бы несправедливым не указать, что описываемое в этой статье поле скорби давно и основательно истоптано. О смерти существует огромная философская и богословская литература, ежегодно публикуются результаты сотен медико-биологических исследований, имеется специально организованная статистика смертности, с которой работают демографы и т.д. Моя попытка вхождения в это поле менее всего преследует тщеславные цели критики уже сделанного до меня и лучше меня. Но меня давно интересовало, насколько и почему человек нашего секулярного и гедонистического века, боясь смерти, постоянно и часто бесцельно рискует жизнью и, в общем-то, не дорожит ею? Как получилось, что этот самый человек, стараясь «взять от жизни все и сейчас» не замечает, что вся его жизнь выкипает в котле современной культуры, постоянно низводящей смерть к простейшему действию третьестепенных персонажей компьютерных игр и кассовых кинофильмов? Как и почему этот человек столь отстраненно взирает на тысячи жертв природных катастроф, предлагаемых телевидением к утреннему кофе, и спокойно слушает передачи об очередных террористических актах по дороге на работу? Почему в моей стране почти никто не умирает от старости? Почему в России нет современной (светской) философии смерти, социологии смерти, психологии смерти? Почему в крупных книжных магазинах можно найти десятки книг о том, как стать богатым, счастливым, физически здоровым, женатым, красивым и т.п., но нет ни одной светской книги о том, как достойно умереть? На эти вопросы я предполагаю ответить в ранее названной книге, а здесь речь пойдет скорее о фактологической стороне вопроса – о статистике, праве, инфраструктуре и экономике смерти.

Самая «неудобная» тема

В России (и не только в ней) говорить, думать и помнить о смерти не принято. В «узком кругу» еще могут поговорить о смертельной болезни знакомого человека, о хлопотах, связанных с похоронами и поминками, о бюрократических препонах, связанных с вступлением в наследство. Иногда могут упоминать о посещении кладбищ в связи с приведением могил в порядок, но более или менее частое приближение «к отеческим гробам» дело крайне редкое.

Смерть трудна в восприятии. По-видимому, нет ни одной другой стороны нашего бытия, инстинктивное отторжение которой было бы столь же мощно поддержано культурой (элитарной и народной) и которое, несмотря на усилия Церкви

и певцов героической смерти, так и осталось для большинства людей исходно-биологическим страхом, ужасом, самым отвратительным из всего, что может случиться и уже поэтому изгоняемым на периферию нашей памяти и за пределы наших городов и сел. Смерть отнесена в беспомытность. Вопросить о времени своей смерти не принято, врачи же сообщают печальные диагнозы только родным, а смертельно больные, догадываясь о лживости утешительных слов врачей и медсестер, чаще всего предпочитают им верить: «надежда умирает последней». Дело, как мне кажется, и в том, что многие, узнавшие час своей смерти, могут по слабости своей либо впасть в иссушающее уныние, либо в чрезмерный разгул («напоследок погуляем!»). И первое, и второе вредно во всех отношениях, и справедливо замечено на Востоке: «знающий свое будущее вычеркнут из книги живых».

Смерть трудна и в *обсуждении*, это – «неудобная» тема. Да, в России в православных храмах подаются тысячи записок «о упокоении», служатся панихиды, в утренних и вечерних келейных молитвах верующие называют имена покойных священников, родных и знакомых, братьев и сестер из своих общин. В повседневную же жизнь подавляющего числа жителей России тема смерти входит странными урывками. И это при том, что в России каждый год хоронят около двух миллионов наших сограждан и только в одной Москве ежегодно умирает почти 100 тыс. младенцев, детей, молодых людей, трудоспособных и инвалидов, пожилых и престарелых – население целого города. Это лишь мимолетно задевает сознание большинства еще живущих, а в массовое сознание смерть входит только в связи с торжественными похоронами людей публичных или пострадавших в катастрофах и террористических актах. Смерть небольшого числа известных людей на некоторое время становится общественным достоянием или политически окрашенной акцией национального масштаба.

Статистика и аксиология: учет и оценка

Известно, что учет количественных параметров любых социальных явлений и их *оценка* («хорошие»? «нормальные»? «плохие»?) всегда различны и методологически, и по форме, и по содержанию, но нигде эти различия не представляются столь контрастно, как во всем, относящимся к смерти. Уверен, что отношение к смерти, как и показатели смертности, могут быть важнейшими характеристиками состояния любого общества, и уже поэтому перечень соответствующих учетно-аналитических единиц, хорошо известных социологам, демографам, этнологам и медикам, включает сотни позиций, немалая часть которых собирается органами национальной и международной статистики. Анализ одних лишь названий таких показателей представляет значительный исследовательский и практический интерес, – ведь их совокупность (даже без разъяснения их содержания), по сути дела, показывает, *что хотели бы* люди знать о смерти и смертности и *зачем* им это нужно.

Как ни парадоксально, смерть в России учитывается гораздо надежнее, чем жизнь, и по известным мне заявлениям отечественных и зарубежных демографов, соответствующие российские данные отвечают самым высоким мировым требо-

ваниям (соответствующий учет ведется одновременно в органах здравоохранения, ЗАГС, статистики, а в ряде случаев – в МВД).

Статистический учет *причин смертности* был организован в России еще в 1938 г., а с середины 50-х гг. он приобрел современные формы. По каждому без исключения факту смерти медицинский работник записывал ее причину в медицинском свидетельстве о смерти, а имеющий специальную подготовку работник статистики проставлял код в соответствии с действующей номенклатурой указанных причин. Число их постоянно возрастало и к 1999 г. составило около 200 наименований. С этого времени в стране начала использоваться «Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем», так называемого «десятого пересмотра» (МКБ-10) и новая система кодирования причин смерти, число которых достигло 11000, из которых реально используется около десяти тысяч.

Анализируя причины смерти, следует помнить, что таковыми при большом желании можно считать все – от зависти к соседу и чрезмерной любви к жареной картошке до работы вблизи расположенного химического комбината и дурной наследственности. Конечно же, то, что врачи не без оснований фиксируют как *основную* причину смерти (болезни, травмы, убийства) следовало бы считать следствиями *всего*, но статистика разумно останавливается на уровне конечных причин медицинского и криминального характера. В заключение о смерти может быть написано, что она наступила от голода, но никогда – «от бедности», может быть написано – «самоубийство», но никогда «несчастливая любовь».

Статистических характеристик смертности, действительно, очень много, но для социологов, демографов, да и для всех еще живущих важны не только качество учета тех или иных показателей смертности, сколько их *способность* отразить социально значимую суть этого явления и востребованность полученной информации практикой государственного управления: органами бюджетно-финансовыми, здравоохранения, социальной защиты населения, охраны правопорядка и другими.

Возвращаясь к вопросу о специфике аксиологии смерти, напомним о том, что смерть – единственное явление нашего бытия, за крайне редкими исключениями («слава Богу, отмучился» или «так и должны умирать герои») оцениваемое *отрицательно*. Повсеместно и постоянно негативное отношение к смерти, на первый взгляд, очевидно, – ведь смерть прерывает самое ценное и единственное – жизнь. Но и здесь можно найти исключения: во-первых, были и есть люди, небезосновательно относящиеся к смерти как к благу, во-вторых, были и есть люди, откровенно «заигрывающие» со смертью, и, в-третьих, во всех цивилизациях и культурах бытуют представления о том, что «смерть смерти рознь», то есть *качество* смерти все же оценивается, по крайней мере, в *сравнении* с тем, что принято считать «нормой». Так, совершенно по-разному оценивается людьми смерть глубокого старца (это – норма) и юноши. Наконец, нельзя не сказать и о совершенно разных оценках смерти «обычного человека» и «знаменитости», когда критерии публичности человека при жизни переносятся и на его смерть¹.

¹ Много лет назад одновременно с В.С. Высоцким умерла соседка моего приятеля, – женщина, которую, как мне казалось, уважал весь дом. На вопрос о ее проходах в последний путь мне ответили: «Только повздыхали немало: все о Высоцком плакали». Что-то подобное, но уже на государственном уровне произошло с отношением к кончине композитора Сергея Прокофьева, который умер в тот же день, что и Сталин.

Отмечу и то, что даже в тех случаях, когда чья-то смерть рассматривается как следствие подвига или справедливого наказания, окончательные аксиологические суждения часто относят на будущее («потомки по достоинству оценят...»). В этом есть своя логика, поскольку в отличие от бесстрастных статистических чисел словесные оценочные характеристики всегда историчны и субъективны. Со временем меняется содержание и структура (ранги) общественно признаваемых ценностей. То же относится и к их индивидуальному восприятию, и для меня, например, к тридцатилетнему возрасту великими произведениями о любви стали не «Тристан и Изольда» и не «Ромео и Джульетта», а «Старосветские помещики» Гоголя и простенькие «Дары волхвов» О'Генри. Я уже не говорю о том, что одни могут сказать: «умер во сне – хорошая смерть», а другие (по этому же поводу): «плохо умер, без покаяния».

Аксиология, ценностные характеристики смерти исключительно важны для понимания отношения к жизни и смерти в современной России, но начать исследование этой проблемы все же целесообразно с более простого его аспекта, который к тому же характеризуется и более простыми статистическими показателями смертности и ее причин.

От чего умирают в России

Смертность как таковая

В начале 60-х гг. прошлого века смертность в России стремительно пошла на убыль, чему способствовали успехи медицины (в т.ч. началось широкое использование антибиотиков), становление разветвленной и специализированной системы и ранее бесплатного здравоохранения, явное повышение уровня жизни, рост образования, пропаганда здорового образа жизни и массовых занятий физической культурой, то есть факторы, хорошо изученные нашими демографами [Андреев, Вишневецкий 2004, с. 75–84]. В целом по стране уровень смертности 1960–1965 гг. составлял около 7,5 человек на тысячу населения и был меньше, чем достигнутый через полвека (в 2008 г.) в США. С середины 70-х гг. показатели смертности стали увеличиваться, находясь до 1990 г. в интервале 10–11 человек на тысячу населения, и затем стремительно возросли, превысив 16 смертей на тысячу населения (2003 г.). И хотелось бы надеяться на то, что небольшой спад этого показателя до 15,2 в 2006 г. и 14,6 в 2007 г. будет непоследним.

Обратно пропорционально росту смертности снижалась и без того невысокая *ожидаемая продолжительность жизни* при рождении. С «максимума» в 70,13 лет (64,91 год у мужчин и 74,55 лет у женщин) в 1986–1987 гг. этот показатель упал до 67,51 лет (61,39 лет у мужчин и 73,9 лет у женщин) в 2007 г. При этом в 2007 г. ожидаемый срок жизни у совсем молодых людей (пятнадцатилетних юношей) составил всего 47,4 года; для сравнения укажу, что в Австрии, Великобритании и

Германии этот показатель был равен 62,7 года, в Канаде – 63,4 года, в США – 60,6 лет, в Австралии – 64,1 года.

Около 70% смертей настигает граждан России в трудоспособном возрасте, но исключительно высокой, даже с учетом резкого (практически вдвое по сравнению с 1994 г.) сокращения остается младенческая смертность: в течение первого года жизни умирает около 15 тыс. детей (или каждый сотый ребенок), а до пятнадцатилетнего возраста не доживают более 18 тыс. детей. При восприятии этих чисел следует учитывать и то, что более 14 тыс. будущих детей погибают в перинатальном периоде. Эти показатели смертности почти вдвое (!) выше, чем во многих странах Европы.

Женщины России живут недолго, но все же умирают позже мужчин. Уже к пятидесятилетию в каждой тысяче русских женщин около ста вдов (каждая десятая!), в возрасте 55–59 лет вдов уже двести на тысячу женщин, в возрасте от 65 до 69 лет – 430, а среди семидесятилетних и старше их – более семисот. Причина этого – не долгожительство женщин, а высокая смертность мужчин, в том числе постоянно отмечаемая демографами сверхсмертность мужчин в трудоспособном возрасте. К тому же женщины России при выявленном заболевании обычно более серьезно, чем мужчины заботятся о своем здоровье.

Смертность в России этнически неоднородна, и *быстрее других вымирают русские*. Когда-то это объясняли «деревенскими обычаями» (в том числе переключением новорожденного с материнского молока на жеваный хлеб, кашу и т.п., что совершенно не допускалось в мусульманских семьях), ранней занятостью в примитивно-индустриальном хозяйстве, антисанитарией и т.п. По всем этим и другим причинам, как показала перепись еще 1897 г. русские опережали по смертности латышей в 2 раза и отставали от них по продолжительности жизни на 16 лет, опережали по младенческой смертности иудеев в 2,5 раза и по продолжительности жизни на те же 16 лет, отставали по последнему показателю от украинцев и белорусов на 7 и более лет [*Новосельский* 1916, с. 66–67]. С тех пор, естественно, произошли определенные перемены, но, например, по переписи 1989 г. младенческая смертность среди русского населения была выше, чем среди коренного населения Белоруссии, Латвии, Литвы, Украины, Эстонии, Молдавии и Грузии на 47%, 44%, 32%, 28%, 25% 24% и 6% соответственно [*Андреев, Добровольская, Шабуров* 1992, с. 43–49]. В настоящее время по экспертным оценкам ситуация существенно не изменилась.

Вопреки бытующим представлениям, сельские жители России никак не долгожители. Сельское население умирает стремительнее городского; в 2007 г. смертность первого была на уровне 13,9 человек на тысячу населения, а второго – 16,6 человек, причем, например, в Рязанской области смертность городского населения составляла 16,3 человека на тысячу населения, а сельского – 25,4 человека, в Вологодской области – 14,1 человек и 20 человек соответственно и т.п.

В одном из докладов Всемирного банка констатируется, что Россия по рождаемости помещается среди развитых стран (депопуляция коренного населения) и по смертности – среди развивающихся (правда, там этот показатель уравнивается высокой рождаемостью). В первые годы нового тысячелетия в России *ежeminутно* рождалось 3 человека и умирали 4, в США – 8 и 4, в Китае 38 и 16,

в Индии 48 и 17, в Пакистане 10 и 3, в Японии и большинстве стран Европы – поровну. В расчете на 1000 человек населения в России умирает вдвое больше, чем в США и в Европе².

Этиология смерти. Болезни плоти

Люди не могут победить смерть, но вполне способны (и доказали это!) победить или по крайней мере не без успеха бороться со многими болезнями плоти, которые связаны с нарушениями физиологии, условно «привязаны» к конкретным органам или системам жизнедеятельности, относительно легко диагностируются и, главное, поддаются лечению. К ним можно уверенно отнести подавляющую часть этиологий, статистически сведенных в основные классы причин смерти; и они – причины 86% всех смертей в России; в 2007 г. от них умерли почти 1,8 млн человек.

Инфекционные и паразитарные заболевания, некогда бывшие главными причинами смертности, постепенно отступают и, например, в 2007 г. на них приходилось 1,5% всех смертей. Бесспорные успехи медицины привели к тому, что только на страницах романов и исторических хроник остались оспа, чума и холера. Однако борьба со смертностью от «некоторых инфекционных и паразитарных заболеваний», видимо, никогда не закончится, и этому будут в равной степени способствовать появление новых видов инфекций (того же гриппа) и распространение «социальных болезней» (туберкулез и др.). Так, ежегодно на 1000 человек больше умирает от ВИЧ, не сокращается число умерших от вирусного гепатита и т.д. Но наибольшей российской проблемой в этом классе причин смерти является появление и распространение туберкулеза всех форм (75% от смертей в этом классе). В 2005 г. от него погибли 32,2 тыс. человек, в 2007 – 26,1 тыс. человек.

Практически ликвидированный в СССР в 70-е гг. прошлого века, туберкулез на территории России «возродился» в конце 80-х гг. и, по оценке ВОЗ, пик заболеваемости (127 человек на 100 тыс. населения) был достигнут в 2000 г. В настоящее время распространенность этой болезни в России почти в 10 раз превышает усредненные показатели ЕС, где с 1989 г. по 2008 г. смертность от туберкулеза сократилась более чем в два раза. За этот же период в России смертность мужчин от туберкулеза возросла в 2,4 раза, смертность женщин – в 3,6 раза³, причем и первые, и вторые, в основном, погибают в молодом и среднем трудоспособном возрасте.

В России медленно и неуклонно отстывает смертность от новообразований, в том числе злокачественных. Это – несомненный результат раннего выявления и новых методов лечения новообразований. Однако, по-прежнему высока смертность от рака органов пищеварения – 108,3 тыс. случаев в 2007 г.

Самой распространенной причиной смерти в России остаются болезни системы кровообращения, ежегодный летальный исход которых в России с 1995 г.

² «Преждевременная смертность: проблемы и пути решения в Российской Федерации», www.worldbank.org

³ Туберкулез в России особенно опасен именно для женщин, которые заболевают им втрое реже, чем мужчины, но умирают от него в 1,5 раза чаще.

ни разу не был ниже 1,1 млн человек. Среди болезней системы кровообращения, приводящих к смерти, в 2007 г. (как и в предыдущее десятилетие) доминировали ишемическая болезнь сердца (594 тыс. случаев) и цереброваскулярные болезни (410 тыс. случаев), дающие в сумме почти половину (48%) смертей в России. Люди испокон веку знакомы с болезнями сердца (вспомним «грудную жабу» в прозе русских классиков), почти каждая современная семья непосредственно или в кругу близких родственников сталкивалась со стенокардией, тахикардией или с инфарктом миокарда и с их смертельными последствиями (каждая четвертая смерть в России). Инфаркта боятся многие, но еще более ужасными представляются цереброваскулярные болезни и, прежде всего, инсульты с их нелетальными последствиями: многие считают постинсультную инвалидность хуже смерти.

В последнее двадцатилетие в России смертность от инсульта выросла в 1,6 раза [Табеева 2006, с. 3–6], и от него ежегодно погибает около 175 человек на каждые 100 тыс. населения: это один из самых высоких показателей в мире [Скворцова 2007, с. 25–27]. В 45–54 года инсульт возникает у одного из тысячи человек, в 65–74 года – у одного из ста, а у тех, кто старше 80 лет – у одного из четырех мужчин и у одной из пяти женщин (мужчины в трудоспособном возрасте заболевают на 30% чаще, чем женщины) [Скворцова, Чазова, Стаховская 2002].

Высокая заболеваемость, высокая летальность заболевших инсультом и инвалидные последствия для выживших *связаны единой цепью и общими причинами*: неправильным образом жизни и недостатками здравоохранения. Затраты на лечение последствий инсульта (стоимость лечения в стационаре, медицинская реабилитация, вторичная профилактика) в развитых странах составляют 15–60 тыс. долл. на одного больного, и в России – в 3,5–14 раз меньше. Неудивительно, что из выживших – 60% становятся инвалидами и только 8% могут вернуться к нормальной работе.

Таковы, в общих чертах, результаты анализа этиологии смерти от тех причин, которые я ранее назвал «болезнями плоти».

К сожалению, только в одном из рассмотренных классов причин смерти («симптомы, признаки и отклонения от нормы, выявленные при клинических и лабораторных исследованиях») выделена позиция «из них по старости». В 2007 г. это было объявлено причиной смерти 41,2 тыс. человек (из них 8,2 тыс. мужчин и 33 тыс. женщин); еще одно подтверждение того, что «от старости» в России умирают немногие (менее 2% от всех умерших), а мужчины вообще почти не доживают до этого (0,7% от всех умерших мужчин). Все это непосредственно связано с распространенностью «болезней духа», исследованных ниже.

Приближающие смерть. Болезни духа

Инстинкт самосохранения, знания об аномально высокой смертности и крайне малой ожидаемой продолжительности жизни, доступная всем информация о патогенном образе жизни, особенно противопоказанном молодым и трудоспособным людям, должны были бы надежно ограждать жителей России от действий, приближающих преждевременную смерть. Однако все обстоит не так, и наши соотечественники

(и я – в их числе) представляются мне племенем *приближающих смерть* – и свою и своих близких. Мы подгоняем себя к смерти, находясь в состоянии, которое я называю «болезнями духа», среди которых медицинские расстройства психики (ранее называвшиеся «душевыми заболеваниями») занимают отнюдь не первое место. Например, в 2007 г. умерших «от болезней нервной системы» было зафиксировано около 14 тыс. человек и «от психических расстройств поведения» – 6,5 тыс. человек, или, соответственно 0,7% и 0,3% от 2,1 млн умерших от всех классов болезней.

В число болезней духа, торопящих наступление преждевременной смерти, я включаю пьянство и курение, самоубийства и убийства, любовь к экстриму и наркотикам, нездоровый образ жизни и отказ от семейных ценностей, сознательное нахождение в «зонах риска» и эпатажный аморализм, «блатную психологию» и т.п. Болезни духа – не грех, а следствие греха, они исключительно «заразны», но передаются не только в обычном инфекционном контакте, сколько через пропаганду смертестремительного движения жизни по радио и телевидению, через кино и театральный балаган. И спасение от всего этого – только в столь трудно обретаемой устойчивости и твердости духа, в духовной иммунозащите.

Медицина постепенно сокращает смертность от болезней плоти, но она почти бессильна против болезней духа. Так, по данным отдела экологических и социальных проблем психологического здоровья Научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского с 1999 по 2006 гг. при росте общей распространенности психических расстройств в 1,4 раза неврологические и стрессовые расстройства возросли в 2,9 раза, алкогольные – в 5,1 раза и наркотические – в 11,4 раза⁴. В старину психические расстройства называли «*помрачением разума*» (сейчас депрессию часто называют «*темной стороной души*»), но, видимо, еще правильнее было бы говорить не о разуме, а о все той же душе. Ведь еще Карл Ясперс доказывал, что бредовая система «представляет собой целостный, связанный мир, целостную систему поведения *личности с нормальным рассудком*, которую во всех иных отношениях, согласно общепринятым стандартам, отнюдь не приходится считать больной» (выделено мной – В.Л.) [Ясперс 1997, с. 499].

Подтверждением ранее высказанного соображения о несопоставимости формальных количественных оценок причин смерти от различных проявлений болезней духа и их фактической роли в преждевременной смертности является ситуация с учетом последствий алкоголизма, то есть неумеренного и частого потребления алкоголя в форме *алкогольной зависимости*. Мои многолетние наблюдения, да и мнения психологов, профессионально занимающихся проблемами алкоголизма, показывают, что корень этого зла не вне, а внутри человека, в его духовной ненаполненности, в неспособности не вливаться в пьяное «окружение» и в его отказе от альтернативы «пьяному выбору». Сделать это тем более трудно, что в России в отличие от всех мне известных стран сложился и бытует «пьяный образ жизни», захвативший целые деревни и города. Это – страшная социальная болезнь, которая, к сожалению лишь в незначительной степени учитывается в качестве первопричины преждевременной смерти от самых различных конечных нозологических поводов (те же атеросклероз, онкологические и многие другие за-

⁴ <http://www.norp.ru/media/analytics/478.html>

болевания). В связи с этим представляет интерес одно из новейших исследований зависимости смертности в России от причин собственно алкогольной этиологии [Андреев, Збарская 2009, с. 44–50].

В причинно-смертной статистике не учитывается, например, не только число смертей на дорогах по вине пьяных водителей, число смертей от убийств по вине пьяных, число самоубийств «по пьянке» и т.п. непосредственно алкогольные причины смерти, но и «алкогольный след» в большинстве классов и поводов смертности, в первую очередь, в болезнях органов пищеварения и системах кровообращения. Исследователи уже установили, что ранее отмеченное снижение *общей смертности* в России в 2005–2007 гг., связано с начавшейся проверки производства этилового спирта, с частичной регламентацией торговли алкогольсодержащей продукцией и с принятием ряда антиалкогольных мер пропагандистского характера [Халтурина 2006, Халтурина, Кортаев 2006, с. 42–49].

Следовало бы обратить внимание и на то, что в России смертность от алкогольной кардиомиопатии более чем в 100 (!) раз выше, чем в США и Франции и в 10 раз выше даже по сравнению с северно-пьющей Финляндией, а уровень смертельных отравлений алкоголем в США и Франции по сравнению с нашей страной вообще ничтожно мал. Да и умирают наши алкоголики рано, в основном, в 47–50 лет. Примечательно и то, что смертность от алкогольных психических расстройств прямо связана с русскими запоями – крайними формами алкогольной зависимости. Не могу не процитировать в связи с этим уже упоминавшихся авторов [Андреев, Збарская 2009]: «Смерть от алкогольных болезней предполагает достаточно *длительный период обильного потребления алкоголя*, в течение которого *накапливаются* патологические изменения. Отказ от алкоголя или существенное снижение его потребления дают отсрочку смерти или даже позволяют избежать смерти от алкогольной причины. И, наоборот, интенсивное потребление приближает смерть. Поэтому снижение доступности алкоголя ведет к снижению смертности от алкогольных болезней» (выделено мной – В.Л.).

Бесспорно болезнью духа следует считать никотиновую зависимость, и соответствующую ситуацию в нашей стране никак не оправдывает то, что мы в этом отношении не одиноки: в мире от болезней, спровоцированных курением ежегодно умирает 6 млн человек, а расходы курильщиков превышают 50 млрд долл. в год. По данным вице-президента российской «Лиги здоровья нации» Н.В. Кононова табакокурение в России является причиной около 17% всех преждевременных смертей. Курят около 70% мужчин, и курение все больше становится привычкой тех, кому оно особенно вредно: в 1993 г. в России курили 5% женщин, а в 2008 г. – около 27%. Снижается возраст начала курения, и сейчас он уже достиг 10–12 лет.

Наркозависимость – одна из наиболее прогрессирующих и наименее отслеживаемых статистикой болезней духа. В 2006 г. в стране число зарегистрированных наркоманов составило 510 тыс. человек, 70% которых «сидело на игле». Однако по оценкам экспертов фактическое число наркозависимых в России в несколько раз превышает число официально выявленных людей, и врачи едины во мнении о том, что предел жизни при неизлеченной наркозависимости – максимум 10 лет. А наркомания в нашей стране – удел детей, подростков и молодых людей (в основном, до 30 лет) [Социально-демографическая безопасность России 2008].

Чудовищно огромны потери от так называемых «внешних причин смерти», в основе которых все те же болезни духа. Статистика к ним относит все случаи смерти, наступившие «от случайных отравлений алкоголем, от всех видов транспортных несчастных случаев, от самоубийств, от убийств, от повреждений с неопределенными намерениями, от случайных падений» и ряд других. От всех этих «внешних причин» в России в 1995 г. погибло 348,5 тыс. человек, в 2000 г. – 318,7 тыс. человек и в 2007 г. – 259,4 тыс. человек, что составляет 16%, 14% и 12% соответственно: доля снижается, но в любом случае от «внешних», то есть не связанных ни с возрастом, ни со здоровьем человека сейчас погибает четверть миллиона человек в год: каждый восьмой (!) из умерших.

Из всех этих причин смертности особое любопытство СМИ привлекают убийства и самоубийства – крайние проявления «болезней духа». Цельная картина происходящего известна немногим, и поэтому мне показалось полезным представить читателю выводы большого исследования, проведенного в 1999 г. в России Межнациональным институтом исследования семьи и Лондонской школы гигиены и тропической медицины по проблемам убийств в последнее десятилетие XX в. [Social Science and Medicine 2002, p. 1713–1724]. Утверждения того, что в России показатели смертности от убийств в 20 раз превышают аналогичные показатели в странах Западной Европы и являются одними из самых высоких в мире, авторы основывали на официальной статистике смертности в нашей стране за 1970–1990 гг., на статистике судимости и уголовных дел за 1990–1997 гг. и на углубленном анализе ситуации в Удмуртской республике в начале XXI в. Общее число убитых в России постепенно сокращается. Если в 1995 г. была зафиксирована смерть от убийств 45,2 тыс. человек, то в 2000 г. – 41,1 тыс. человек, в 2005 г. – 35,6 тыс. человек, в 2007 г. – 24,4 тыс. человек. Однако неизменной остается доля убийств, совершенных в состоянии алкогольного опьянения – более 75%, и возрастает доля убийств для сокрытия других преступлений (краж, изнасилований и др.) и убийства группой лиц. Убийства все менее становятся «бандитскими» и все более – бытовыми, убийцы помолодели и среди них уже нет абсолютного доминирования рецидивистов и горожан (то есть становятся необязательными ни «тюремная школа», ни «растлевающее влияние города»).

Самоубийств на 100 тыс. населения в России в 2 раза больше, чем в среднем в мире, причем это – не сведение счетов с жизнью юных людей из-за несчастной любви или из-за игр со смертью, а болезнь, поражающая сейчас все возрасты, и крайне редко проявляющаяся в форме самосуда (убил жену и себе пулю в лоб). В 1995 г. в России была зафиксировано 61 тыс. самоубийств (в 2 раза больше, чем от ДТП), в 2000 г. – 57 тыс., в 2005 г. – 46 тыс. и в 2007 г. – 41,3 тыс. Самоубийства – не женское дело: в числе самостоятельно лишивших себя жизни в 1995 г. было 17%, в 2000 г. – 16%, в 2005 г. – 16%, в 2007 г. – 17% женщин, что свидетельствует о том, что русские женщины сильнее привязаны к жизни, потому что, по-моему, у них на земле больше обязанностей и ответственности, чем у пресловутого «сильного пола». Самоубийства – и не городское дело: смертность по этой причине на 100 тыс. населения в сельской местности в 2007 г. была вдвое выше, чем в городах, причем и здесь «лидировали» мужчины: их смертность была в 3,5 раза выше, чем в городе, и в 5,8 раз выше, чем у сельских женщин. Объяс-

нения те же, но дополненные причинами мужской экономической безысходности (нет работы, утрачен статус «кормильца семьи») и алкоголизмом.

Печальную статистику преждевременной смерти «от внешних причин» дополняют транспортные несчастные случаи, от которых в 2007 г. погибли 39,1 тыс. человек, в том числе «от дорожно-транспортных происшествий» – 25,9 тыс. человек. Виноваты дороги? Но ведь по узкой или топкой тропинке никто не несется вскачь. Безжалостные сводки МВД свидетельствуют: каждое второе ДТП связано с безответственным поведением на дорогах (лихачество, водительская самоуверенность, переутомление водителей из-за скаредности их начальства), а еще треть – пьянством. Это ли не болезни духа?

Среди *глубинных* причин всех «болезней духа», приводящих к преждевременной смерти важная – кризис русской семьи. Все эти болезни порождены и слабостью семейных связей, отсутствием взаимоподдержки и взаимопонимания, утратой семейных ценностей. И становится понятным, почему по большинству кодов XX класса причин смерти на территориях с мусульмански ориентированным отношением к семье соответствующие коэффициенты смертности – минимальны. «От чего он умер? – спрашивает в известном анекдоте один зевака другого, глядя на похоронную процессию. – А ты читай, что на венках написано: «От жены», «От тещи», «От детей», «От товарищей». И это совсем не анекдотическая ситуация. Основное число жертв бытовых убийств – жены, мужья, родители, дети и другие родственники убийц. Основное число умерших «от внешних причин» составляют холостые, незамужние, разведенные или те, кто живет в условиях ужасающих семейных отношений. Россия вступила в совершенно новую для нее сферу добрачных, брачных и вместибрачных отношений. Эта ситуация наконец-то начинает всерьез анализироваться, и было бы полезно в ходе этого анализа учитывать не только ее воздействие на рождаемость, но и на смертность.

Смерть в законе

Обилие нормативно-правовых регламентаций

Читателю «Мира России», профессионально не связанному с тематикой этой статьи, вероятно, трудно представить, насколько объемны и детальны нормативно-правовые регламентации всего, относящегося к сфере ритуальных услуг и похоронного дела. Так, последнее издание сборника соответствующих нормативных актов федерального и регионального уровня для использования в г. Москве [Справочник по ритуальному обслуживанию 2008] насчитывает 1040 (!) набранных мелким шрифтом страниц, – больше чем такого рода сборник по вопросам сверхактуального для Москвы земельного права. Дело в том, что со смертью человека начинает выстраиваться уникальная череда гражданских и административных правоотношений родственников, близких и различных организаций (например, воинских частей, больниц или мест лишения свободы) с органами судмедэкспер-

тизы, здравоохранения, нотариата и суда, с органами социальной защиты и опеки, со специализированными организациями и предприятиями, с различными регистрационными и многими другими службами. Уже поэтому в российском праве предоставление ритуально-похоронных услуг регламентировано многократно детальней и строже, чем любых других.⁵

Юридическое закрепление мельчайших деталей ритуально-похоронного обслуживания и похоронного дела имеет в России давние традиции; интереснейший опыт в этом отношении был в дореволюционной России, а в позднесоветское время на территории современной Российской Федерации действовало более ста соответствующих актов. В постперестроечный период исходными актами в этой сфере стали Федеральный закон «О погребении и похоронном деле» № 8-ФЗ, принятый 12.01.1996 г. (далее «закон 8-ФЗ») и Указ Президента РФ «О гарантиях прав граждан на предоставление услуг по погребению умерших» (№ 1001 от 29.06.1996 г.). Эти акты неоднократно дополнялись и изменялись⁶, но главное их содержание – регламентация гарантий, перечень требований, установление организационных основ этой специфической деятельности – не отменялось, а расширялось и уточнялось. В ст. 5 закона 8-ФЗ было введено понятие «*достойного отношения к телу после смерти*», а конкретная форма такого отношения и определялась волей умершего или его родных и близких (в письменной или устной форме при свидетелях) относительно согласия или несогласия быть подвергнутым патологоанатомическому вскрытию, согласия или несогласия на изъятие органов и/или тканей его тела, желая быть погребенным на том или ином месте, по тем или иным обычаям или традициям, рядом с теми или иными ранее усопшими, желая быть подвергнутым кремации, а также о доверии исполнить свое волеизъявление тому или иному лицу.

Во всех иных случаях возможность исполнения волеизъявления относительно места погребения определяется специализированной службой по вопросам похоронного дела с учетом места смерти и с учетом заслуг умершего перед обществом и государством. Здесь законодательно закрепляется принятое во многих странах отклонение от принципа «смерть всех уравнивает». В этом случае, как водится, много субъективного, пристрастного и нередко меркантильного. И поэтому какого-нибудь актера – любимца власти и публики – могут похоронить чуть ли не с государственными почестями и в самом престижном месте престижного кладбища, а крупнейшего русского философа – «в обычном порядке».

Закон 8-ФЗ ввел в практику ритуально-похоронной сферы несколько определений ее предмета. Так, ст. 3 этого закона определила «*погребение* как обрядовые действия по захоронению тела (останков) человека после его смерти в соответствии с обычаями и традициями, не противоречащими санитарным и иным требованиям. Погребение может осуществляться путем предания тела (останков) умершего зем-

⁵ Ритуально-похоронные услуги формально (по общероссийскому классификатору) относятся к числу обычных бытовых, но фактически это уникальный тип социально-бытовых услуг, представляя которые государство реализует одно из своих *социальных обязательств*. Это подтверждается, в частности, наличием огромного числа гарантий, осуществляемых службами и органами, финансируемыми их бюджетов всех уровней.

⁶ Изменения и дополнения в эти и иные упоминаемые далее нормативные акты приведены по состоянию на начало 2010 г.

ле (захоронение в могилу, склеп), огню (кремация с последующим захоронением урны с прахом), воде (захоронение в воду⁷) в порядке, определенном нормативными правовыми актами РФ». В двух уже упоминавшихся исходных нормативных актах были узаконены такие важнейшие положения как статус вероисповедальных (православных, иудейских, мусульманских и др.) кладбищ (или их участков), воинских кладбищ и семейных (родовых) захоронений; именно в этих актах впервые появились нормы, гарантирующие предоставление материальной или денежной помощи для погребения за счет бюджетных средств.

Серьезен и обстоятелен перечень актов Правительства РФ, регулирующих отношения в ритуально-похоронной сфере. Дополнительную детализацию вносят в формы, порядок и процедуры предоставления ритуально-похоронных услуг подзаконные акты федеральных министерств, служб, фондов и т.д. Среди этих нормативных актов хотел бы особо выделить Постановление Главного санитарного врача РФ от 08.04.2003 № 35 «О введении в действие СанПиН 2.1.1279-03» (эта аббревиатура означает «санитарные правила и нормы»), «Гигиенические требования к размещению, устройству и содержанию кладбищ, зданий и сооружений похоронного назначения», которые разработаны с учетом законов об охране окружающей среды, об основах землепользования, водного и других законодательств. В рассматриваемом постановлении подробно указано, где можно (а где нельзя) размещать кладбища, какие работы должны предшествовать началу работы кладбищ и получению санитарно-эпидемиологического заключения, когда и на каких условиях можно переносить кладбища и как рекультивировать их территорию после переноса кладбища, каковы санитарно гигиенические требования к водоснабжению, канализации и санитарной очистке кладбищ и крематориев.

Наконец, следует упомянуть о законах и подзаконных актах субъектов РФ и муниципальных образований. Наиболее полным и развернутым является переработка всех аспектов ритуально-похоронного дела в г. Москве (субъекте РФ). Специфику расселения, социально-экономического положения (в первую очередь, доходов различных групп населения), национально-этнические особенности и традиции характеризуют соответствующие нормативные акты Московской, Новосибирской, Томской и Волгоградской областей, республик Татарстан и Башкортостан, Пермского и Краснодарского краев. Особый и предельно конкретный вид рассматриваемых нормативных актов – постановления и решения органов представительной и исполнительной власти муниципальных образований, которым в соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» *передана в ведение в качестве «вопроса местного значения» организация ритуально-похоронного дела на территории всех поселений (кроме Москвы и Санкт-Петербурга) и муниципаль-*

⁷ Захоронения в воду, в основном, известны по старым романам, повестям и рассказам о корабельном быте (сразу вспоминаются слова из песни: «к ногам привязали ему колосник» и сюжет фильма Феллини «Корабль плывет»). Но и современное российское законодательство, обязывающее капитана судна «сведомить одного из близких родственников умершего или супруга умершего о смерти и принять меры по сохранению и отправке тела умершего на родину», допускает, что «в исключительном случае, если судно должно находиться длительное время в открытом море и тело умершего не может быть сохранено, капитан имеет право предать тело умершего морю согласно морским обычаям».

ных районов. Администрации всех видов поселений и городских округов вменена в обязанность «организация ритуальных услуг и содержание мест захоронения», а органам управления муниципальных районов – «содержание на территории муниципального района межпоселенческих мест захоронения, организация ритуальных услуг». За муниципалитетами для обеспечения вышеуказанных «организации и содержания» в соответствии со ст. 50 названного закона закреплено необходимое «имущество, включая земельные участки». В результате на территории города-миллионника и сельского населения в равной мере сходятся обязательные для исполнения сотни норм федерального и регионального законодательства и своих собственных нормативных актов, регулирующие самые разные стороны правоотношений, возникающих со смертью любого гражданина России.

Организация исполнения закона и «кладбищенская конкуренция»

Предоставление ритуально-похоронных услуг по сравнению со всеми другими видами обслуживания населения требует *максимально четкой организации*. Один из лучших профессионалов в этой сфере считает, что это связано: «1) с очень жестким временем по организации похорон (по традициям различных религиозных конфессий покойный должен быть погребен в течение 1-3 суток); 2) с состоянием психоэмоционального стресса разной степени выраженности у заказчика; 3) с невозможностью, как правило, выполнения ритуальных услуг в порядке самообслуживания; 4) с неизбежной необходимостью потреблять ритуальные услуги для каждого человека; 5) с отсутствием функциональных аналогов (заменителей) ни в отраслях сферы услуг, ни в сфере материального производства; 6) с многоэтапностью процесса от момента подачи заявки на организацию похорон до момента захоронения; 7) с многообразием типов заказчиков (уровень доходов, принадлежность к религиозной конфессии, выбор способа захоронения, личные желания и вкусы); 8) с зависимостью от наличия и перечня объектов ритуального предприятия (кладбища, крематории, трупохранилища, специализированного и катафального транспорта, залов траурных обрядов и поминальных трапез, храмов; производства предметов ритуала и надмогильных сооружений); 9) с невозможностью прервать предоставление данных услуг» [Бондаренко 2008].

Там же справедливо отмечены и такие уникальные свойства ритуально-похоронной услуги как то, что ее необходимо представлять вне зависимости от того, кем был умерший при жизни, где и с кем он проживал (или был один и не имел постоянного жилья), на что он жил и каковы были доходы его самого, его родственников и близких, какой он был национальности, какого вероисповедания (или атеистических взглядов), был ли он гражданином России или иностранцем. Закон равно относится ко всем, и организация ритуально-похоронного дела в связи с этим может и должна рассматриваться как не менее значимая, чем организация, например, услуг МЧС и даже здравоохранения.

В различных нормативных актах, регулирующих предоставление ритуально-похоронных услуг, соответствующие службы называются «специализированны-

ми» и это определение связано не только с деликатностью предмета их деятельности. Это – службы огромного общественного значения, которые уже поэтому должны оказывать услуги в режиме доступных цен вне зависимости от конъюнктуры рынка, которые не в праве никому отказать, которые изначально обременены множеством ограничений, неведомых обычным (не «специализированным») организациям и которые должны направлять всю полученную прибыль на содержание кладбищ.

Рассматриваемые специализированные службы создаются органами местного самоуправления районов, поселений и городских округов, и эти же органы определяют порядок их деятельности (служб). Со времени опубликования Указа Президента «О гарантиях прав граждан на предоставление услуг по погребению умерших» (1996 г.) установлено, что специализированные службы по вопросам похоронного дела оказывают на *безвозмездной* основе услуги по погребению, гарантированные статьей Федерального закона «О погребении и похоронном деле», *по первому требованию* супруга (близких родственников, иных родственников, законного представителя умершего или иного лица, взявшего на себя обязанность осуществить погребение умершего), что *отказ* специализированных служб в оказании указанных услуг в связи с отсутствием у них необходимых средств является *недопустимым*, и что органы исполнительной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления обязаны выделять специализированным службам *необходимые средства*.

Появление специализированных служб в последние годы все чаще проходит на конкурсной основе, в ряде случаев – в ходе закрытых конкурсов. В середине 2010 г. в России действовало несколько тысяч специализированных ритуально-похоронных служб, 60% которых были представлены муниципальными предприятиями. То, что закон 8-ФЗ доверяет предоставление ритуально-похоронных услуг *только* специализированным службам, создаваемых *только* муниципалитетами, вошло в противоречие с административными и финансовыми ресурсами большинства муниципалитетов и с последовательно проводимым курсом на ликвидацию убыточных муниципальных предприятий. Еще в рекомендациях прошедших в марте 2007 г. парламентских слушаний в Государственной Думе РФ «Социально-экономические аспекты совершенствования законодательства в сфере похоронного дела» было отмечено, что основным источником инвестиций в развитие похоронного дела наряду с различными бюджетными средствами становится *частный капитал*, и хотя в законе 8-ФЗ не предусмотрено частное инвестирование и создание похоронных объектов различных форм собственности, во многих населенных пунктах похоронное дело существует только за счет индивидуального предпринимательства.

На этом фоне возникла и продолжает набирать обороты интрига между сложившейся практикой реализации закона 8-ФЗ в тех регионах и городах, где она идет вполне успешно, и требованиями свободной и не связанной лицензионными обязательствами конкуренции на рынке ритуально-похоронных услуг. В разосланном всем руководителям территориальных органов Федеральной антимонопольной службы ФАС России письме «О разъяснении применения антимонопольного законодательства» (от 30.09.2009 № АК/34001) ФАС напомнила, что закон

8-ФЗ предусматривает как безвозмездное оказание ритуальных услуг специализированной службой, так и осуществление погребения за свой счет с последующим получением социального пособия. В последнем случае, по мнению ФАС, родственники могут получить ритуальные услуги (в том числе и погребение) у любого лица, осуществляющего оказание таких услуг. ФАС в своем письме разъясняет также, что в соответствии со ст. 18 закона 8-ФЗ общественные кладбища находятся в ведении органов местного самоуправления, которые определяют порядок деятельности кладбищ, но сама возможность передачи общественных кладбищ в ведение какого-либо хозяйствующего субъекта, в том числе и обладающего статусом специализированной службы, этим законом не предусмотрена. И вообще – земли общественных кладбищ не могут относиться к землям коммерческого использования (на условиях передачи в аренду или хозяйственное ведение), иначе это нивелирует государственные гарантии о бесплатном предоставлении места для погребения каждому гражданину.

Что смущает руководителей специализированных служб, да и органы местного самоуправления в целом в предлагаемой ФАС «кладбищенской конкуренции»? Во-первых, диспаритетная конкуренция муниципальных специализированных служб и «частника» (у последнего, например, нет обязанностей хоронить безродных и неимущих), во-вторых, «частники» торгуют венками и прочими ритуальными принадлежностями где угодно (на улице, у кладбищ и т.п.), в-третьих, и это самое главное, частные фирмы *с отменой лицензирования и с переходом на формальную сертификацию* во многих случаях не выполняют качественные требования и работают непрофессионально («земля все спишет»). Кроме того, именно агенты *частных* фирм атакуют семьи умерших вопреки всем правилам (об этом далее), они берут плату за нахождение тел в моргах (это запрещено) и т.д. Да и вообще, считают многие, ритуально-похоронные услуги – не обычный товар, с которым имеет дело антимонопольное законодательство. Поэтому многие эксперты усматривают в позиции ФАС стремление попросту уничтожить или, как минимум, снизить потенциал действующих специализированных служб, навязать искусственную конкуренцию, не обеспеченную стандартами государственных гарантий ритуальных услуг.

Конкуренция в современном похоронном деле, без сомнения, возможна и даже полезна на товарном (гробы, надгробия, венки, ленты и пр.) и внекладбищенском (поминальные залы, кафе) рынках. Собственно же осуществление похорон (отведение участков, захоронение, кремация и т.п.) должно быть или муниципальным (субфедеральным), или находиться под строжайшим контролем органов исполнительной власти; только под государственным или муниципальным надзором должны быть сконцентрированы ведущиеся многие десятилетия кладбищенские архивы.

Может быть «специализированные организации» вообще изжили себя как институт? Такие мнения в бизнес-среде бытуют, и их дополняют предложения о том, что стоит отказаться от бюджетного финансирования каждого погребения «специализированными организациями» и передавать эти «гробовые» непосредственно родственникам⁸ или вообще ввести особый вид обязательного страхования на

⁸ Правда, высказываются предположения о том, что эти тысячи могут быть использованы наиболее распространенным среди неблагополучных семей нецелевым образом.

погребение. Предложений много – но они все должны быть встроены в единую логику обеспечения достойного отношения к усопшим, к их родным и близким.

Сфера ритуально-похоронных услуг не может замкнуться на получении индивидуальной прибыли каждым участником этого своеобразного рынка: например, самые квалифицированные и корректно предоставленные услуги какого-либо частного или муниципального предприятия могут быть сведены на «нет» разбитой дорогой к кладбищу, его запустением, кучами мусора вокруг свежевырытой могилы. Поэтому возникает идея объединения различных участников рынка ритуальных услуг с целью не монополизации этих услуг, а их общегородской (общерайонной) *социализации* с целью консолидации части расходов этих участников для приведения в порядок кладбищ, создания мемориалов, реконструкции крематориев, подготовки согласованных проектов нормативно-регулятивных документов, издания «книг памяти» и справочников о местных некрополях и т.п. Примером может служить созданное несколько лет назад в Екатеринбурге некоммерческое партнерство, объединившее для достижения этих целей старейшее профильное предприятие города – муниципальное унитарное предприятие «Комбинат специализированного обслуживания» – и более полутора десятков частных ритуальных фирм. А в мае 2009 г. было сформировано уже межрегиональное некоммерческое партнерство «Региональная ассоциация содействия развитию похоронной отрасли Сибири и Дальнего Востока» (находится в г. Томске).

«Гладко было на бумаге». Правовые коллизии

Все, для чего создана и функционирует ритуально-похоронная сфера, связано со смертью, но все там происходящее – как в жизни, каждый шаг которой размечен каким-либо законом и одновременно отступает от него. Ранее упоминалось, что в столице России разработаны одни из самых выверенных правил организации и предоставления ритуально-похоронных услуг, но, как заметил мэр Москвы Ю.М. Лужков на заседании Правительства Москвы (конец января 2010 г.), «шпаны много, рынка здесь не получилось». Думаю, что это преувеличение: на рынке соответствующих услуг в городе, кроме мощного и безупречно работающего ГУП «Ритуал», существует более 150-ти частных предприятий, конкурирующих и с «Ритуалом» и друг с другом по-русски – без снижения цен и без повышения качества услуг, но в то же время в городе не удалось решить такую важнейшую задачу (обозначенную, в частности, в специальном постановлении Правительства Москвы весной 2008 г.) как ликвидация *торговли информацией об умерших*.

Вот типичная и, к сожалению, не только для Москвы, ситуация, описанная журналистом [Пуля 2010]. «Если родственник умер не в больнице, а дома, сразу после отъезда врачей «скорой» и участкового к двери квартиры, где это случилось, выстраивается очередь из похоронных агентов... Позже семья подсчитала: похороны ей обошлись на 15 тысяч рублей дороже, чем если бы она обратилась в городскую специализированную компанию». В том же материале приводятся сведения о том, как однажды «черный» агент взял в заложники труп и потом потребовал

у неимущей родственницы плату за его выдачу, а когда та не смогла вовремя собрать деньги, избавился неизвестным образом от покойного. Другая фирма пообещала похоронить умершего на городском кладбище, а потом выяснилось, что могила приготовлена на сельском и т.д.

Здесь снова возникает вопрос, рассмотренный в предыдущем фрагменте статьи: о ритуально-похоронном «частнике». Еще в конце 90-х гг. Правительство Москвы провело конкурс для ритуальных фирм. Качество услуг 20 участников было признано достойным, они получили официальное «добро» на работу. Но с *отменой лицензирования этого вида услуг отлаженная система рухнула*. И сейчас в Москве, помимо тех 20 организаций, прошедших через конкурс, на рынке ритуальных услуг действует еще 123 нигде не зарегистрированные, но имеющие адрес фирмы. Каждый день в Москве умирает около 300 человек, и за каждым покойником идет настоящая охота, а городской бюджет каждый год недополучает от теневых компаний миллионы рублей налогов.

Правительство Москвы справедливо полагает, что изменить ситуацию может только ликвидация рынка «черных информаторов». По мнению заместителя руководителя Московского департамента потребительского рынка и услуг А.В. Сулоева «сто процентов данных об умерших дома продается в считанные минуты после смерти. Есть даже негласная такса за эти сведения – 8 тыс. руб., которые потом ритуальные фирмы возмещают за счет родственников покойного, накручивая стоимость услуг. Не случайно она растет как на дрожжах – еще два-три года назад сумма была вполтину меньше»... «На Западе медицинский работник, сообщивший такие данные, попадет в тюрьму на срок от 3 до 5 лет или будет наказан штрафом в 100 тыс. евро» [Пуля 2010].

Строгость российских законодательных положений о правилах захоронения вполне оправдана; при необъятности просторов страны определение территории под кладбища, особенно в густонаселенных местностях, весьма проблемно, и к тому же у людей могут появиться свои представления о том, где и как следует хоронить близких. Так, в городе Березовский (Свердловская область) с 45-тысячным населением «огород одного из частных домов превратился в кладбище... Две первые могилы здесь появились летом 2007 года. Хозяйки участка в 12 соток – сестры Вера и Валентина Колюжины – перезахоронили в огороде привезенный из Витебской области прах матери и Валентинино мужа. Сейчас в огороде появилась третья могила – скончалась старшая из Колюжных, 90-летняя Валентина» [Дубичева 2010].

Незаконные захоронения – проблема не только России, где, как принято считать, граждане изначально своевольны. Весной 2010 г. в престижном районе Цюриха, где по берегам чудесного водоема выстроены виллы богатых швейцарцев, водолазы обнаружили 35 урн с человеческим прахом, причем было видно, что подводное «кладбище» кто-то пополняет. В 2008 г. на дне этого же озера были обнаружены останки людей и около 300 урн с прахом, и уже тогда высказывалось мнение, что это было кладбище людей, прошедших через эвтаназию, а власти запретили размещать урны в озере и даже развеивать прах над озером [Шевель 2010].

Большие и малые правовые коллизии в организации ритуально-похоронного обслуживания возникают постоянно. Чаще других называются отсутствие критериев качества (при наличии перечня) ритуально-похоронных услуг и несораз-

мерность фактических затрат бюджетному финансированию погребений умерших одиноких людей (не имеющих даже «законных представителей»), отсутствие законодательно закреплённого статуса и стоимости земель, которые муниципалитеты должны предоставлять (приобретая их, например, в лесном фонде) под кладбища, отсутствие обязательного минимума стоимости гарантированного перечня ритуально-похоронных услуг с учетом различий в бюджетных и личных доходах граждан в каждом регионе и муниципальном образовании.

В ходе обсуждения правовых противоречий, возникающих по поводу предоставления ритуально-похоронных услуг, высвечивается перечень вопросов, ранее представлявшихся несущественными, но с годами становящихся все более актуальными. Сегодня особенно нужны четкие и бескомпромиссные определения всех терминов и исходных понятий (тех же «специализированных организаций»). Нужно ясно определить, что есть «содержание мест захоронения», уборка мусора и опавшей листвы или восстановление (за чей счет?) памятников и оград и т.д. Нужно, чтобы во всех регионах были приняты собственные развернутые законы, трактующие федеральный закон 8-ФЗ с учетом местных особенностей (в середине 2009 г. такие законы были приняты лишь в пятой части субъектов РФ). Нужно обязательное восстановление лицензирования деятельности всех муниципальных и частных структур, занятых в сфере ритуальных услуг и похоронного дела. Нужны административный регламент оказания муниципальных услуг в сфере организации похоронного дела и федеральный технический регламент государственного профессионального стандарта.

Не секрет, что многие конфликты (обиды, недоразумения и т.п.) возникают и в связи с аномально низкой правовой грамотностью обращающихся за предоставлением ритуально-похоронных услуг граждан. Поэтому было бы полезно бесплатно выдавать родственникам или близким умершего одновременно с документом, удостоверяющим смерть, право на захоронение, небольшую брошюру, в которой излагались бы необходимые этим людям азы ритуально-похоронного законодательства и давались бы простые разъяснения о том, как выбрать и как содержать место захоронения и т.д., было бы хорошо, если бы такие брошюры раздавали и всем посетителям кладбищ⁹.

Инфраструктура смерти

Состав и правила использования

Ранее говорилось о «специализированных организациях», частных фирмах и других *институциональных* структурах ритуально-похоронной деятельности. Здесь же речь пойдет о кладбищах и крематориях, колумбариях и стенах скорби, то есть

⁹ За рубежом это делается. Например, в Италии каждому обратившемуся за ритуально-похоронными услугами, немедленно выдается сброшюрованный томик текстов с описанием принятого порядка похоронного обряда, с перечнем услуг, которые могут быть предоставлены (и соответствующим прейскурантом) и дел, которые могут сделать только родные, с образцами приличествующей случаю поэзии, с различными типами уведомлений о смерти и приглашений на похороны (их могут заполнить и послать работники похоронного дома [Кондратьева Л. Похороны в Италии // Похоронный дом. 2007. № 6–7].

о том, что называют инфраструктурой «похоронного обслуживания». Вероятно, в России нет ни одного взрослого человека, кому не пришлось хотя бы однажды посещать эти «объекты», видеть их в кино и по телевидению, читать о них и т.д. В последнее время кладбища и другие захоронения становятся объектами туристического бизнеса, и при ознакомлении, например, с достопримечательностями Москвы желающим покажут мавзолей Ленина и могилы у Кремлевской стены, «Вечный огонь» у Могилы Неизвестного солдата в Александровском саду, чудовищное изваяние на могиле Н.С. Хрущева на Новодевичьем кладбище и могилу В.С. Высоцкого – на Ваганьковском. В Санкт-Петербурге туристам могут показать Пискаревское кладбище и «Литературные мостки» и т.д. И это – не специфически российская традиция: пантеоны, мемориалы, известные кладбища демонстрируют туристам во многих странах мира.

Каким *должно* быть кладбище в России в соответствии с только что рассмотренными нормативными правилами? Напомню, что по закону «О погребении и похоронном деле» могут устраиваться кладбища общественные, вероисповедальные и воинские с различными типами погребения: традиционными (в землю), с захоронениями после кремации, смешанных способов погребения и в мало кому известных (но поименованных в федеральном законе) многоэтажных зданиях-кладбищах¹⁰.

Считается, что площадь городских кладбищ должна быть не менее 0,5 га и не больше 40 га. Для всех типов кладбищ площадь мест захоронения должна составлять не менее 65–75% от общей площади кладбища, а площадь зеленых насаждений – не менее 25%. Организация объектов инфраструктуры во многом связана с понятием так называемого «*кладбищенского периода*», то есть времени естественного разложения и минерализации тела умершего. Дело в том, что повторное захоронение в «родственную могилу» разрешается только по истечении кладбищенского периода, который, например, в Москве составляет 13,5 лет¹¹.

На традиционных кладбищах обычно выделяются участки для погребения в одном месте («в одной ограде») двух покойных, связанных родственными узами. Наряду с этим по новым правилам разрешены участки для захоронений на одну могилу (для одиноких и малоимущих граждан), до 2–6 могил (семейные захоронения); групповые на 6 и более могил (для жертв аварий, катастроф), а также выделяются участки для братских (общих) захоронений.

После опубликования закона «О погребении и похоронном деле» были узаконены и стали все более частыми *семейные* (или «*родовые*») захоронения, причем разрешено создавать и предоставлять участки для таких захоронений не только в

¹⁰ Многоэтажные здания-кладбища проектируются и сооружаются при дефиците или отсутствии территорий, пригодных по своим условиям для устройства кладбищ традиционного типа. В зданиях-кладбищах предусматриваются погребения: в гробах и без гробов, в напольных камерах, в нишах стен, в герметичных саркофагах (в отдельно стоящих, в пристенных и встроенных) и в урнах – в тех же напольных камерах или шурфах, в нишах стен и в пристенных или в объемных отдельно стоящих шкафах (колумбариях). В отличие от кладбищ размещение зданий-кладбищ допускается и на селитебных территориях, но в этом случае между жилой застройкой и зданиями-кладбищами следует предусматривать озелененную зону моральной защиты шириной не менее 20 м.

¹¹ Фактический период полной минерализации может составлять 50 и более лет (вспомним и о «нетленных» останках).

случае необходимого погребения, но и *впрок*, под *будущие* похороны. Приобретение такого участка доступно не всем, но здесь следует учитывать и то обстоятельство, что обустройство семейного захоронения совершается только теми, кто надолго связывает жизнь своей семьи с конкретным городом. Участки под семейные захоронения обычно создаются «под ключ»; в Москве, например, это и облицовка периметра натуральным камнем, и подсыпка «растительного грунта» с необходимыми добавками, и сооружение надмогильного сооружения (на нем может быть сделана надпись в соответствии с пожеланием заказчиков). На общем фоне разновеликих кладбищенских оград такие места потенциальных захоронений выглядят «скромными аристократами»; при относительной дороговизне они достаточно быстро заполняются.

Семейные (родовые) захоронения наиболее близки к обычной собственности. Они создаются на основе договорных отношений «специализированной организации» с заинтересованным лицом и, более того, по его желанию может быть заключен договор имущественного страхования на случай возможных повреждений от стихийного бедствия или противоправных действий третьих лиц.

В России ежегодно умирает около двух миллионов человек, и в связи с этим странный казался бы вопрос о площади и емкости кладбищ («что в стране земли мало?») имеет немалое значение по пяти главным причинам. Во-первых, традиционные захоронения (в землю) до сих пор являются предпочтительными, во-вторых, резервы кладбищенских территорий *внутри* городов и других населенных пунктов фактически исчерпаны, в-третьих, такие территории можно выделять и поддерживать только при условии выполнения очень жестких градостроительных и санитарно-эпидемиологических правил, в-четвертых, сооружение новых кладбищ (в том числе за пределами городской черты или селитебной территории) почти всегда воспринимается жителями близлежащих поселений крайне негативно, и в-пятых, вынос кладбищ за пределы поселений должен сопровождаться мерами по обеспечению их постоянной и удобной транспортной доступности.

Альтернативой традиционным кладбищенским захоронениям является кремация, необычайно развитая во многих странах. Рационально устроенному уму этот вид погребения представляется идеальным: «кладбищенский период» сокращается более чем в 200000 раз (до 1 часа), на 30-40% дешевле, требует в сотни раз меньше территории (сравним стену колумбария с пространством традиционных захоронений). Кремация технологична, экологична и даже своеобразно эстетична, а кроме того, многим просто невмоготу представить свое дорогое тело, которому предстоит длительный биологический (с участием различных некрофагов) распад; слова великого поэта «ложимся в нее и становимся ею и потому называем – своею» кажутся таким людям нелогичным анахронизмом.

В ряде стран кремация – обычное дело. В Японии, например, через печи крематориев проходят почти все умершие (почти 99%), в Великобритании – около 70%, в скандинавских странах – более 60%. Общее число крематориев в мире оценивается примерно в 15 тысяч, а инвестиции в их строительство (после соответствующих маркетинговых исследований) считаются достаточно выгодными и быстро окупаемыми. Для сравнения укажу, что затраты на строительство новейшего крематория со всей ритуально-похоронной, экологической и иной инфраструкту-

рой [Кравчук-Смирнов 2004] оказались в 10 (!) раз меньше, чем затраты Москвы только на приобретение большого участка земли для устройства нового кладбища в 30 км от города.

В России через кремацию проходят считанные проценты умерших. Это связано, во-первых, с неразвитостью сети крематориев: в начале 2010 г. на всей территории страны функционировало всего полтора десятка крематориев в крупных городах¹², причем там, где они были построены и эксплуатировались, доля кремирования в общем числе погребений в последние тридцать лет ежегодно увеличивалась на 1%. Кремации противостоят обычаи традиционных похорон с последующим посещением кладбищ, формирование системы семейных захоронений. Немалое значение имеют и религиозные мотивации православных и мусульман, притом, что православная церковь, по крайней мере, не осуждает сам процесс кремации. Любопытно отношение к кремации многих состоятельных людей: урна с прахом в общей стене колумбария – плохая альтернатива богатому захоронению на престижном кладбище (кремация – слишком скромно и, как принято сейчас говорить, «непафосно»).

Традиционные кладбища в России можно устраивать далеко не везде. Действовавшие в СССР правила устанавливали, что кладбище не может располагаться ближе, чем 300 метров от жилых и общественных зданий, что его территория определяется из расчета 1,2 га на 10 тыс. жителей, что не менее 20% территории кладбищ должны занимать зеленые насаждения, что должны соблюдаться строжайшие санитарно-эпидемиологические требования и т.д. В современной России выбор участков для устройства мест погребения также должен осуществляться на основе положительных решений экологической и санитарно-гигиенической экспертизы, а санитарно-защитные зоны кладбищ следует назначать на расстоянии не менее 500 метров (для кладбищ традиционного и смешанного способов захоронения) и для крематориев – 1000 метров от жилой застройки. В случае ликвидации кладбищ и захоронений (а также их частей, обнаруженных при проведении строительных работ) не разрешается использовать их территории для строительства зданий и сооружений жилой и производственной сферы, транспортных магистралей и дорог: на этой территории могут размещаться только зеленые насаждения (газоны, скверы, палисадники)

Кладбища: старые и новые

Древние могильники, позднейшие западноевропейские некрополи и славянские погосты, сельские, городские, приходские и монастырские, военные, морские и иные кладбища, гробницы и склепы – надежнейшие следы цивилизаций. На кладбищенских катакомбах собирались первые христианские общины, московские Преображенское и Рогожское кладбища стали в период гонений на ревнител

¹² Только что построены и сооружаются новые крематории в Новосибирске, Хабаровске и Улан-Удэ.

древнего благочестия центрами русского старообрядчества, и, в основном, в прикладбищенских церквях в советское время сохранялось христианское преемство.

История каждого динамично развивающегося русского города всегда отмечалась и вехами ликвидации, переноса или создания новых кладбищ. Так, в старой Москве захоронения причта и прихожан обычно располагались вокруг приходских церквей и на территориях монастырей¹³; упразднение или перенос последних неизбежно вело к запустению таких кладбищ, а затем и к их превращению в обычные городские территории. Как ни ужасно это звучит, но большинство центральных частей многих наших городов буквально «стоят на костях». В свою очередь, рост численности населения и расширение территорий городов приводили к возникновению новых кладбищ: так в конце XVIII в. в Москве появились Даниловское, Калитниковское, Миусское, Пятницкое и Семеновское кладбища. Ликвидация ряда московских кладбищ в новейшее время определялась не только идеологическими, но и чисто градостроительными задачами. Так, в 30-е гг. прошлого века была сокращена территория Братского кладбища (открытого по решению Городской думы в 1915 г. для захоронения погибших в Первую мировую войну), а в конце 40-х гг. в связи с застройкой района Песчаных улиц это кладбище было просто ликвидировано. Такая же участь постигла кладбища Даниловского монастыря и Дорогомиловское.

Расширение функций и национально-этнического состава крупных городов, а также формирование на их территории различных религиозных общин вело к появлению отдельных вероисповедальных кладбищ. Так, в Москве возникли старообрядческие (Преображенское и Рогожское), Армянское, Еврейское, Караимское, мусульманское (Татарское) кладбища. Иностранцев с XVII в. хоронили на специальном кладбище в Марьиной Роще, а затем на Немецком (ныне Введенском) кладбище в Лефортове, то же самое происходило и в других городах.

Причиной появления новых кладбищ становились опустошительные эпидемии. Во время чумы 1771 г. Сенат постановил хоронить тысячи умерших только за пределами Москвы (за Камер-Коллежским валом), так возникло, в частности, Ваганьковское кладбище. В годы советской индустриализации и массового наплыва рабочих в города во многих из них пришлось резко расширить территории прежних и создать новые кладбища на городских окраинах. В этот период в Москве были расширены или заново созданы Головинское, Кунцевское, Хованское и Николо-Архангельское кладбища, а в последние двадцать лет прошлого века одиннадцать огромных московских (городских) кладбищ появились и на территории Московской области.

Советская власть создала новый тип похоронного обряда и захоронений. Уже в 1918 г. на Красной площади Москвы возник, так называемый, «Революционный некрополь» (первую мемориальную доску на кремлевской стене – братской могилы 238 красноармейцев и солдат открывал В.И. Ленин), перепланированный в 1930 г. Центром некрополя (сейчас это и обычные захоронения и урны в Кремлевской стене) стало великолепное здание Мавзолея¹⁴. Дух атеистического прогресса

¹³ Несколько кладбищ еще в XVII – начале XVIII вв. находились на территории Кремля (запрет на новые захоронения последовал в 1657 г.) и Красной площади.

¹⁴ Описание историй создания Кремлевского некрополя и краткие биографии похороненных см.: [Абрамов А.С. У кремлевской стены. М.: Политиздат, 1978].

в отношении к религиозным традициям и реальные проблемы с выделением новых мест для кладбищ способствовали открытию на Новом Даниловском кладбище первого в Москве и в СССР крематория (1927 г.) с органным залом прощания и колумбарием¹⁵. Второй московский крематорий вблизи Николо-Архангельского кладбища был открыт в год закрытия первого (1973 г.) и имел уже 6 залов прощания: в 1978 г. через его печи прошла треть умерших, в 2008 г. – каждый второй.

Перенос и ликвидация старых кладбищ, уничтожение кладбищенских и церковных архивов, мобильность населения, элементарное небрежение к родословным делают невозможным восстановление имен большинства людей, похороненных на русских кладбищах всего сто лет назад. И это одинаково несправедливо и по отношению к крестьянам, чьи потомки массового переселялись в города в 30-е гг., погибали во время Великой Отечественной войны и уходили (да и сейчас уходят) из родных мест из-за сельского безденежья, но и к ранее знатным городским фамилиям. Такое бывало и раньше: к примеру, составитель некрополя московского Введенского кладбища с горечью констатировал, что в конце 80-х гг. прошлого века из двухсот тысяч (!) некогда совершенных захоронений можно было идентифицировать (по надгробиям) около четырех тысяч, причем среди них не удалось даже найти могилу выдающегося соратника Петра I – Франца Лефорта [Артамонов 1993].

То, что на протяжении веков происходило с кладбищами в Москве, в течение последнего столетия стремительно произошло в быстро выросших (иногда из малого поселка) городах, индустриальных центрах России – Екатеринбурге, Челябинске, Магнитогорске и в сотне других. Но самым, по моему мнению, показательным был процесс трансформации сети кладбищ в одном из лучших городов России, вероятно, установившем мировой рекорд роста – более чем в пятнадцать раз (до современных полутора миллионов) менее чем за сто лет. История кладбищ Новосибирска, вписанная в контекст социальной, хозяйственной и культурной жизни города, написанная с прекрасным чувством такта и ответственности, увлекательно и убедительно стала доступной после опубликования в 2009 г. группой энтузиастов фундаментального труда – книги «Новосибирский некрополь».

Вот лишь один сюжет. «С началом Великой Отечественной войны в Новосибирск как тыловой город стали прибывать санитарные поезда. Впоследствии в городе и районах области развернули работу более полусотни госпиталей. И, несмотря на стоическую борьбу медицинского персонала за каждую жизнь, ран-больные (так называли пациентов госпиталей) умирали, и их требовалось достойно проводить в последний путь. В новосибирской земле нашли свое вечное пристанище украинцы и белорусы, татары и казахи, жители европейской России, дальневосточники, сибиряки... Размещенные на территории города госпитали хоронили своих бывших пациентов сначала на Молоковском кладбище (Березовая роща). Но 4 июля 1941 г. горисполком принял решение об организации специального воинского кладбища. А 3 февраля 1942 г. принято еще одно решение, более конкретное, в котором Зельцовский райкомхоз обязывался к 1 апреля 1942 г. сдать в эксплуатацию новое воинское кладбище. Умерших от ран и погибших воинов стали хоронить на нем.

¹⁵ После этого колумбарии появились и на обычных кладбищах, тогда же возник обычай захоронения урн с прахом в могилах ранее умерших родственников.

В своде памятников истории и культуры Новосибирской области его официальное название обозначено так: «Кладбище мемориальное советских воинов, умерших от ран в госпиталях в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Оно имеет статус памятника истории» [Бондаренко, Корсакова, Косякова, Обижаева, Шамов, Шамова, Щукин 2009]. Историю создания, ликвидации и переноса новосибирских кладбищ можно продолжать долго, и каждым своим сюжетом она будет подтверждать типичность этого процесса в большинстве русских городов.

Стало общепринятым обвинять советскую власть в небрежении к памяти непролетарских предков. Однако интересы бизнеса в этом отношении намного активнее, и «невидимая рука рынка» вопреки закону не только сносит исторические здания, но и продолжает «строить на костях». Примеров много, но приведу лишь один. В 2008 г. в Екатеринбурге на месте погоста XVIII–XIX вв. (перекресток улиц Луначарского и Тверитина), где покоятся останки представителей знаменитых уральских династий, начались рытье котлована и заливка фундамента под строительство многоэтажного дома. Районная прокуратура возбудила административное дело, поскольку, как уже указывалось, по закону на месте старых кладбищ через 20 лет могут быть заложены только сквер или парк. Областное министерство культуры вынесло предписания о приостановке строительства, но проиграло (!) в арбитражном суде, разрешившем продолжать строительство¹⁶.

Следует помнить, что кладбища (а крематории тем более) необходимые, но нежелательные для соседства объекты (может быть, Московское Новодевичье – единственное исключение). О градостроительных нормах по этому поводу я уже упоминал, но есть еще и такая неписанная норма как «протестные выступления». Москва, например, уже давно размещает кладбища в Московской области, но в последнее время и здесь возникают проблемы «нежелательного соседства». Так, в первой половине 2010 г. жители с. Озерницкого, расположенного в 30 км от столицы, стали активно выступать против размещения на участке площадью 70 га (выкупленном московскими властями за 800 млн руб.) кладбища и двух крематориев, утверждая, что «трупные воды» отравят источники водоснабжения и вообще всю окружающую среду. Все предварительные согласования были получены, но на сторону жителей встала местная администрация.

Преодолевая «мерзость запустения»

Сколько в России кладбищ не знает никто. Многие сельские, поселковые, «лес-промхозовские», «старательские» и т.п. поселения уже не существуют или доживают свой век, а ведь каждое из них не могло и не может обходиться без кладбища. По моим подсчетам, в стране к началу XXI в. было не менее ста тысяч кладбищ, где еще оставалось хоть несколько могил, за которыми присматривают родствен-

¹⁶ Ранее в этом городе удалось предотвратить строительство на месте бывшего вероисповедального (иудейское, лютеранское) кладбища на территории современной улицы Блохера. См. [Орлов Г. Дороже памяти // Российская газета (Урал). 15.10.2008].

ники и знакомые. Кладбищ более или менее благоустроенных и находящихся под каким-то административным надзором – около шестидесяти тысяч. Нормально содержащихся кладбищ гораздо меньше, и все они, как правило, крупногородские. В почти десятиmillionной Москве таких кладбищ более 70-ти¹⁷ (на каждом втором есть воинские захоронения и мемориалы) в полутора миллионном Новосибирске – восемь.

Чем дальше от крупных и средних городов, тем, как правило, меньше порядка, и не из-за того, что там резко ослабевает уровень законопослушности (скорее, наоборот, он выше, чем в столицах), просто для выполнения всего положенного нет денег ни в местных бюджетах, ни у населения, а многие захоронения «бесхозны» чаще всего, потому что молодежь давно уехала от «отеческих могил». И поэтому нет в России мест более печальных и, в полном смысле этого слова, сиротских, чем старые, полузаброшенные или совсем заброшенные кладбища.

Да, формально ни одно кладбище не может быть «бесхозным». Во-первых, никто не отменял нормы федерального закона об ответственности органов местного самоуправления за организацию содержания кладбищ. Во-вторых, существующими общероссийскими правилами в обязанность администрации и персонала кладбищ вменено их «содержание в надлежащем виде и чистоте, своевременное проведение ремонта сооружений кладбищ». В-третьих, «посетители кладбищ обязаны строго соблюдать порядок» и, главное, «граждане (организации), производящие захоронение, обязаны содержать сооружения и зеленые насаждения (оформленный могильный холм, памятник, цоколь, цветник, необходимые сведения о захоронениях) в надлежащем состоянии собственными силами, либо силами предприятия, оказывающего услуги». Но возникают вопросы: что может сделать орган местного самоуправления в поселке или сельском поселении при отсутствии средств, специалистов, транспорта и т.п. Кто видел на сельских кладбищах их «администрацию и персонал»? Сколько «посетителей» и «граждан» выполняют все положенное на заброшенных кладбищах?

Создается впечатление, что рассматриваемая проблема вообще не имеет решения. Но, к счастью, есть примеры преодоления преград: для иллюстрации этого воспользуюсь материалами выступлений на Форуме специалистов ритуального обслуживания населения (прошел в Томске в начале декабря 2009 г.) двух удивительных подвижниц из поселка Борисоглебский (Ярославская область) Алевтины Александровны Рау и Людмилы Павловны Даниловой; первую информацию об этом сюжете я получил из газеты, выпускаемой в Борисоглебском [Рау А.А. 2009, с. 33–35]. Приступаю к цитированию.

«В конце 2005 года администрацией района и Борисоглебским отделением фонда славянской письменности и культуры была разработана и принята программа «Русский погост», основной целью которой является благоустройство кладбищ с привлечением к этой работе всего населения района. Инициатором и вдохновителем ее был и остается игумен Борисоглебского монастыря о. Иоанн. Данных о том, сколько в районе имеется кладбищ и где они расположены, мы не нашли. Поэтому свою работу мы начали с обследования храмов и кладбищ... Из обследованных

¹⁷ Из них в черте города – шестьдесят.

57 кладбищ официально закрытых нет, но на одиннадцати кладбищах на протяжении, может быть, 10 лет, не хоронят. Картина почти везде одинаковая: вокруг храмов (разрушенных, полуразрушенных) ровная земля, по всей вероятности, равняли бульдозером...

Кладбища не имеют установленных границ и планов. Новые захоронения зачастую делают на старых могилах, не зная о том, что тревожат прах умерших, захороненных здесь. Как нам сказали в сельских администрациях, ответственных лиц, которые следили бы за порядком на кладбищах, нет. Документации никакой не ведется, т.е. учета захоронений нет. На большинстве кладбищ вырос лес, а на некоторых кладбищах построены жилые дома. Ярким подтверждением этого является событие 2002 г., которое произошло на кладбище бывшего Троице-Борского женского монастыря в п. Борисоглебский¹⁸. На этом же кладбище построены 3 жилых дома...

Благоустройство мы решили начать с кладбища с. Вощажниково. Такой выбор был сделан не случайно. Это село старинное, купеческое, в прошлом многолюдное, недалеко от Борисоглеба. В настоящее время в селе имеется два кладбища. Одно в центре села, возле ныне действующего храма Пресвятой Троицы. Там на месте захоронений стоит поклонный крест. Другое кладбище, действующее, находится при въезде в село... Здесь были выпилены лишние и опасные деревья, а таких было более 100. Это самая трудная, дорогая и опасная работа... Вырублены кусты, вывезен весь мусор, накопленный за многие годы, навели изгородь по всему периметру (изгородь наводили в течение двух лет), назначили общественного смотрителя кладбища... В результате в течение всего летнего периода люди постоянно приходят на кладбище и помогают ей наводить порядок, жертвуют деньги на благоустройство кладбища. Проведена полная инвентаризация захоронений, т.е. переписаны все могилки, изготовлены и повешены таблички с номерами, составлен план кладбища, ведется журнал захоронений».

«Всего приведено в порядок или заканчивается наведение порядка на десяти кладбищах, вокруг трех кладбищ наведена изгородь... Мы тесно сотрудничаем с Центром занятости населения. Каждый год они по нашей заявке или заявке сельской администрации направляют работников на «общественные работы», связанные с благоустройством. Через социальное молодежное агентство по программе «трудоустройство старшеклассников» мы принимаем на работу ребят, которые вырубают кусты, окашивают могилы и кладбища, убирают мусор. Оставшиеся «на плаву» сельхозкооперативы, а их у нас осталось пять из семнадцати, помогают в основном техникой – это трактора для вывозки мусора, погрузчик, бульдозер и т.д. Районная администрация работу нашу одобряет и, как может, поддерживает и помогает. В этом году совместно со специалистами администрации был разработан проект положения «о порядке деятельности общественных кладбищ». Ежегодно администрация поощряет особо отличившихся участников нашей программы, особенно детей, которые занимаются в краеведческих кружках школ района... В Вощажниковской школе, например, ищут сведения о ранее живущих людях, памятни-

¹⁸ На месте этого кладбища, выкидывая останки, усопших начали рыть котлован под водонапорную башню, но организованные о. Иоанном жители поселка засыпали котлован и добились переноса строительства на новое место.

ки которых были найдены при уборке кладбища. В Ивановской школе собран обширный материал по истории школы, учителях. А еще ребята этой школы вместе с директором устанавливают поклонные кресты на местах разоренных кладбищ и храмов района, участвуют в экспедициях по раскопкам и поиску захороненных солдат в Новгородской области, погибших в годы Великой Отечественной войны. Вообще, тема погоста – богатый материал для духовно-нравственного воспитания наших детей».

Общественность и заброшенные погосты – тема не только российская, и еще одним подтверждением правоты борисоглебских подвижников является типичная ситуация с содержанием русских кладбищ за рубежом. Обычно при этом вспоминают непростые финансовые ситуации на кладбище Сент-Женевьев де Буа в Париже. Но вот пример совсем другого рода, сообщенный о. Александром Крассовским, благочинным и настоятелем храма во имя святых апостолов Петра и Павла в Санта-Розе (Калифорния, США): «Сотрудница департамента археологии Висконсинского университета Санди Осборн работала над диссертацией о русских в Америке, в частности, в Калифорнии. В 1992 г. она получила разрешение проводить раскопки на кладбище. Мы всегда знали, где кладбище находилось, но где кто был похоронен, понятия не имели. Снесли бульдозером около полуметра верхнего слоя земли. Мы заметили темные пятна и догадались, что это могилы. В 1994 г. архиепископ Антоний вместе с протоиереем Николаем Поршниковым приехали сюда, обошли все кладбище, каждую могилу окропили святой водой, отслужили панихиду по всем усопшим. В том же году мы собрали отовсюду деньги, чтобы поставить кресты. Мы смогли поставить крест над могилой каждого человека. При этом присутствовало свыше тысячи человек. Было торжественное открытие кладбища, священнослужители совершили панихиду... Три четверти из всех захоронений составляли местные жители, индейцы кашайа-помо, которые приняли Православие. В числе похороненных нашли останки индейского князя, на шее у которого были особые бусы – знак княжества. А над этими бусами висел православный крест. Наша русская колония сыграла большую роль в восстановлении этого кладбища. Когда я с благословения владыки Антония обратился с воззванием к верующим, то было собрано втрое больше денег, чем требовалось. Мы потратили оставшиеся деньги на будущие нужды, к примеру, на замену старых крестов» [Градова 2009, с. 11].

Приведенные примеры (а у меня их накопилось уже много) свидетельствуют о пользе и необходимости формирования своего рода общественных советов при каждом кладбище. Это могли бы быть упрощенные аналоги создаваемых в крупных домах товариществ собственников жилья с небольшим объемом функций помощи и поддержки кладбищенских администраций, прежде всего, в более активном привлечении людей к уходу за родственными могилами и надгробными сооружениями, в организации коллективной уборки территорий кладбищ (не только в дни сугубого поминовения усопших), в розыске родственников или друзей тех, кто похоронен на заброшенных участках, и т.д. Думаю, что в ряде случаев могли бы самоорганизовываться своего рода «кооперативы», дополнительно к бюджетным средствам финансирующие установку (ремонт, реставрацию) ограждений, обновление дорог и дорожек. Эти же «кооперативы» могли бы коллективно установить на территории кладбищ (по согласованию с церковным начальством) небольшие часовни или восстановить разрушенные.

Цена жизни и экономика смерти

Этическая сторона вопроса

Человеческую жизнь принято считать *бесценной*, и в этом отношении все люди равны: таков один из постулатов «социальной справедливости», приверженность которому декларируют политики и конституции почти всех стран и который нарушается постоянно и повсеместно. Можно ли говорить о цене жизни в *экономическом смысле* и, следовательно, о *стоимостных* потерях в связи с кончиной человека? Насколько вообще такая постановка вопроса корректна и этична? И почему рассуждения об «экономике смерти» нужно начинать с представлений о цене жизни? Вероятно потому, что в большинстве случаев смерть есть не только внестоимостная *расплата* за жизнь прожитую, но и реальная утрата вполне ощутимого блага, которое давал (государству, бизнесу, работодателю, семье, близким людям) ушедший из земной жизни.

При всей смысловой несоразмерности *ценности* жизни и ее *цены* это слово на удивление часто используется как мера человеческих достоинств – фактических и мнимых: «цены тебе нет!» – говорят о хорошем человеке (семьянине, друге, работнике). Люди могут иметь как заниженные, так и завышенные самооценки своего и чужого интеллектуального, профессионального и физического потенциала, равно как и о стоимости удовлетворения потребностей, адекватных этим самооценкам (на отсюда ли выражения: «он/она меня не ценит», «ты себя не ценишь» или «ты себя переоцениваешь?»). Но когда дело доходит до *стоимостного выражения* цены жизни, содержательное наполнение такого понятия неимоверно упрощается и, как все финансово-экономическое, становится предметом рутинного торга между тем, кто продает, и тем, кто покупает жизнь.

В житейском финансово-экономическом отношении ценность жизни издавна определялась обычной рыночной ценой, а рынок – он и есть рынок. Через продажу-покупку людей прошло все человечество. История знает и о продаже в рабство обедневших членов семьи (средневековый Китай), и о торговле «неверными» в мусульманских странах (крупнейшим центром такой работоторговли на территории современной России до середины XVI в. была Казань), и о других «рынках человеческими жизнями». Наиболее задержалось рабовладение в США.

Цена жизни определялась в зависимости от самых различных обстоятельств: статусных, хозяйственных и т.п. Например, по «Русской правде» вира (денежный штраф в пользу князя) за убийство княжьего смерда, жизнь которого была приравнена к жизни холопа, назначалась в 3–5 гривен, за убийство обычного свободного человека – в 40 гривен, а за убийство огнищанина или тиуна (члены «княжеской администрации») – в 80 гривен¹⁹. Цена жизни неверной жены или тяжелого увечья равнялась полувирию. При этом цену отнятой жизни платил сам убийца, а при его

¹⁹ Гривна сначала была равна фунту (400 г.) серебра, а денежно-счетная гривна была эквивалентна «серебряному содержанию» иностранных денег или мехов (со временем – цены половины фунта серебра).

необнаружении – община, на территории которой было совершено убийство (так называемая «дикая вира»). Совершенно произвольно оценивалась жизнь крепостных в России («я волен в твоей жизни и смерти» – известное присловие крепостников); помещики и богатые крепостные (сами имевшие крепостных) покупали и продавали людей за различные суммы – от десятков до двух-трех сотен, а иногда и тысяч рублей (конец XVIII – начало XIX вв.).

Современные западные (и новейшие российские) подходы к оценке жизни и ее потери во многом основываются на идеях нобелевского лауреата Г.С. Беккера о доминирующем и универсальном мотиваторе человеческого поведения – «экономическом подходе». Он пишет: «Экономический подход подразумевает, что существует «оптимальная» продолжительность жизни, при которой полезность дополнительного года жизни оказывается меньше, чем полезность, утрачиваемая в результате использования времени и других ресурсов для его достижения»²⁰ [Беккер 2003, с. 37-38].

Экономический рационализм Г.Б. Беккера и его последователей невероятно соблазнителен, особенно в среде относительно молодых и рыночно ориентированных людей. Следуя этой логике, можно утверждать, что государство (как и бизнес) заинтересовано не столько в сохранении бюджетно-зависимого электората, сколько в здоровых, работоспособных и в нужной мере образованных работниках, для воспроизводства которых оправданы расходы бюджетных и иных средств на родовспоможение, образование и на услуги здравоохранения по поддержанию человека в работоспособном состоянии. Если бы в России в одночасье исчезли все «экономически невыгодные» граждане, то, например, бюджет страны на 2010 г. освободился бы от расходов на сумму более триллиона рублей, – об этом ужасно писать, но нам слишком часто напоминают о том, что страна отягощена непомерно большим «социальным балластом».

Действительно, продавая или убивая человека за какую-то *цену*, продавец и убийца (или лицо его нанявшее) назначают эту цену в зависимости от того, насколько был ценен или вреден продаваемый (убиваемый), т.е. от того, что его жизнь *стоит* или насколько она *вредна*. Судя по сообщениям соответствующих органов, цена жизни (или умерщвления) на рынке заказных убийств колеблется от нескольких сотен до нескольких тысяч долларов в зависимости от статуса жертвы и финансовых запросов убийцы.

Апофеозом рынка человеческой жизни стали продажи новорожденных (цена вынашивания ребенка суррогатной матерью) и торговля трансплантатами. Если ориентироваться на предложения в Интернете, цена «производства» жизни младенца (с учетом затрат на родовспоможение) в Москве и Санкт-Петербурге колеблется от нескольких тысяч до сотен тысяч долларов (данные 2007 – начала 2008 гг.).

²⁰ Автор утверждает (с. 31), что «экономический подход уникален по своей мощи, потому что он способен интегрировать множество разнообразных форм человеческого поведения. Общеизвестно, что экономический подход предполагает максимизирующее поведение в более явной форме и в более широком диапазоне, чем другие подходы, так что речь может идти о *максимизации функции полезности или богатства все равно кем* – семьей, фирмой, профсоюзом или правительственными учреждениями... Предполагается также, что предпочтения не изменяются сколько-нибудь существенно с ходом времени и не слишком разнятся у богатых и бедных или даже среди людей, принадлежащих к разным обществам и культурам» (выделено мной – В.Л.).

Несложные расчеты цены органов одного человека (до медицинской угрозы его жизни) по тем же данным, подтвержденным конфиденциальными источниками, в тот же период в зависимости от предлагаемого органа (все, кроме сердца и мозга) находились примерно в том же стоимостном диапазоне. Относительно дешев «живой товар», поставляемый из России на зарубежные рынки сексуальных услуг: цена человека колеблется от суммы затрат на получение заграничного паспорта и приобретения авиабилета (для обманутых и несмышленных) до нескольких тысяч долларов (для сознательно и добровольно продающихся).

Мне уже приходилось слышать мнения об *экономической* несправедливости выхаживания аномально недоношенного ребенка, поскольку бюджетные расходы на это в перинатальных центрах в 250–300 раз больше, чем на всю постнатальную медицину нормально выношенного ребенка. Аргументы о том, что в ряде стран считают оправданными такие расходы общественных финансов и благодаря этому, например, в Чехии с 1975 г. по 2000 г. перинатальная смертность снизилась с 20,4 на тысячу новорожденных до 4,2²¹, не принимаются, поскольку денег для хотя бы удовлетворительного обеспечения родовспоможения хронически не хватает.

В преступном мире и в его окрестностях о цене жизни судят просто: она равна или стоимости выкупа, или размеру гонорара киллера. В современном законопослушном и подчеркнуто гуманном обществе жизнь тоже оценивают, но, как не парадоксально, все эти оценки связаны с наступившей или с возможной смертью.

Цена жизни после смерти

С посмертными подходами к оценке жизни сталкивался каждый, кому предлагались услуги по ее страхованию, то есть по выплате определенных сумм, *компенсирующих* уход из жизни. Здесь появляется странное слово «компенсация» (от лат. *compensation* – возмещение) совершенно неуместное по отношению к жизни умерших, но вошедшее в юридический и финансовый речевой обиход для обозначения выплат семьям пострадавших в террористических актах, техногенных катастрофах и т.п. Напомню в связи с этим, что семьям шахтеров и горноспасателей, погибших в результате майской 2010 г. аварии на шахте «Распадская», Правительством РФ были предоставлены именно компенсации в размере трех миллионов рублей за каждого погибшего.

В одной из работ профессора А.А. Быкова, ведущего российского специалиста по рассматриваемому вопросу, справедливо указывается, что «цену риска для жизни человека нельзя отождествлять с ценой жизни, это не стоимость индивидуальной жизни, а именно стоимость риска для жизни. Экономическая величина риска для здоровья и жизни не является стоимостью индивидуальной жизни или ущербом, связанным со смертью *конкретного человека*, она является стоимостью риска, которая разделена между всеми членами подверженного воздействию насе-

²¹ В России этот показатель фиксируется на уровне 25,0 (в 6-7 раз выше, чем во многих европейских странах и в США).

ления. Эта величина основывается на *общей подверженности* риску, без определения конкретных индивидуумов, на долю которых может выпасть смерть. Поэтому более корректным будет употребление термина *стоимость среднестатистической жизни*» [Быков 2007].

Полученное на основе одного из фундаментальных исследований рынка труда [Быков, Мурзин 1997]²², значение цены сокращения ожидаемой предстоящей продолжительности жизни на один человеко-год в среднем составляет около 45 тыс. долл. с очень большим диапазоном изменения: от 1 тыс. до 500 тыс. долл.

В 2005 г. рабочей группой Проблемной Комиссии по оценке риска при Межведомственном Научном совете РАМН и ряда министерств по экологии человека и гигиене окружающей среды был разработан проект «Методических рекомендаций по экономической оценке показателей ущерба здоровью населения, обусловленного воздействием факторов среды обитания человека», в котором некоторые выборочные оценки (к сожалению, не учитывающие паритет покупательной способности) выглядят следующим образом:

	Россия млн руб./тыс. евро	ЕС тыс. евро	США тыс. долл.
Сокращение продолжительности жизни в результате смерти, 1 чел.-год	06/17	73	80
Смерть в результате аварии или несчастного случая, 1 случай	11/315	3100	4800

В уже цитированной работе А.А. Быкова [Быков 2007] приводятся следующие обобщенные данные оценок стоимости среднестатистической жизни человека, полученные при использовании разных методических подходов:

	Зарубежные расчеты	Российские расчеты
Методические подходы, основанные на теории потребительской стоимости	5,4 млн долл.	105 млн руб.
Рекомендации Европейской Комиссии	3,1 млн евро	–
Рекомендации Американского агентства по защите окружающей среды	4,8 млн долл.	–
Проект рекомендаций Межведомственного научного совета РАМН	315 тыс. евро	11 млн руб.
Рекомендуемое значение	1,3 млн долл.	40 млн руб.

²² Авторы подчеркивают, что наиболее разумные оценки стоимости среднестатистической жизни, получаемые на основе социально-экономических исследований или исследований рынка труда, для экономически благополучных стран находятся в диапазоне от 3 млн до 7 млн долл. США. Точечная средняя оценка в 4 млн долл. (с вариацией в диапазоне от 0,6 млн до 13,5 млн долл.) была получена на основе обзорного анализа более 25 исследований.

Следует учитывать, что приведенные значения стоимости среднестатистической жизни (до 40 млн руб.) рекомендуется использовать лишь при проведении расчетов реального или предотвращенного ущерба, связанного с утратой жизни при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера и *не рекомендуется* использовать при определении размера возможных *компенсаций родственникам* погибших при чрезвычайных ситуациях определенного характера. Для этих целей оценку стоимости среднестатистической жизни целесообразно производить с использованием других методических подходов, учитывающих, в частности, что величина этой стоимости может зависеть от многих параметров, в том числе таких, как возраст, пол, профессиональный уровень подготовки человека и т.п.

Среди различных методов оценки стоимости среднестатистической жизни для *компенсационных целей* наиболее популярны (и вроде бы логичны) те, что основаны на *теории полезности* человека для общества (включая самого себя). Во-первых, такие оценки очень просто вывести из суммы получаемого дохода: если забыть об этической стороне вопроса и предположить, что человек может прожить экономически активной жизнью еще 30 лет и что его среднегодовой доход равен 200 тыс. рублей, то при неизменной ставке дисконтирования (например, 0,08 в год) стоимость его жизни можно оценить примерно в 3 млн рублей. Во-вторых, что-то подобное можно рассчитать, исходя из предположения о цене человека, соизмеримой с величиной валового внутреннего продукта, который он производит: тогда (при параметрах ВВП в докризисном 2007 г.) можно получить несколько меньшую, чем в первом случае, величину – около 2,5 млн рублей. В-третьих, можно при тех же параметрах доходов и среднедушевого ВВП использовать актуарные расчеты и получить величину почти вдвое большую – около 6 млн рублей.

Отечественные специалисты провели по материалам «Коммерсантъ-Daily» анализ крупнейших компенсационных выплат в 1999–2002 гг. и пришли к выводу о том, что при широком диапазоне оценки потерянной жизни (от 850 долл. до 47,6 тыс. долл.) в среднем эта оценка была немногим более 10 тыс. долл. Они же напомнили, что в конце 2003 г. Правительством РФ было одобрено соглашение о выплате Украиной компенсаций родственникам граждан РФ, погибших в сбитом украинской ракетой пассажирском авиалайнере Ту-154, при сумме компенсаций аналогичной выплачиваемой гражданам Израиля, то есть 200 тыс. долл. на одного погибшего. Сообщается также о том, что в США средний размер компенсации семьям погибших составляет 1 млн долл. при рассмотрении дела в суде и 415 тыс. долл. при принятии решения во внесудебном порядке. Крупные суммы из расчета на одного погибшего (1,85 млн долл.) были выплачены при гибели самолета авиакомпании *Pan American* над Локерби в 1988 г. В США, например, семьи тех, кто погиб 11 сентября 2001 г., получили от 250 тыс. до 7 млн долл. Средний размер одной компенсации, выплаченной государством каждому пострадавшему от терактов 11 сентября 2001 г., составил около 1,5 млн долл. [*Кручинина, Лисанов, Печеркин, Сидоров* 2003, с. 72–75].

Стоимостные оценки жизни незримо присутствуют при заключении договоров страхования жизни, и соответствующие страховые суммы как в России, так

и за рубежом колеблются в очень широком диапазоне: от 1 тыс. до 5 млн долл.²³. Так, каждый американский солдат, направленный в Ирак, застрахован на 250 тыс. долл. В России суммы, выплачиваемые семьям умерших, зависят от возможностей наших страховщиков и составляют от 20 до 100 тыс. долл.

Финансовое обеспечение социальных обязательств перед близкими умерших

Правовое, организационное и финансовое обеспечение всего связанного со смертью каждого гражданина относится к числу важнейших социальных обязательств государства, и финансовая основа этих обязательств весьма внушительна. Только официально зарегистрированный годовой оборот в сфере ритуально-похоронных услуг в 2006–2008 гг. ежегодно составлял более 30 млрд руб. (около 15 тыс. руб. на каждого умершего). Около 9 млрд руб. (опять же по официальным данным) составляет ежегодная заработная плата занятых в сфере ритуально-похоронного обслуживания. Затраты на сооружение нового кладбища площадью 40 га (норма, установленная законом) в разных регионах, городах и пригородах по ценам 2008 г. составляют от 0,3 до 0,8 млрд руб. В течение почти 10 лет (до 2008 г.) темпы роста объемов ритуально-похоронных услуг на 20–25% превышали рост во всех остальных сферах бытового обслуживания, и доля рассматриваемых услуг ежегодно возрастала. Это было связано, в первую очередь, с увеличением цен и тарифов и, во вторую, – с ростом доходов населения, способного позволить организацию более богатых похорон. После наступления мирового кризиса вторая составляющая финансового роста ритуально-похоронного бизнеса снизилась по России в целом на 4,5%, а в отдельных регионах страны – до 20% (данные за 2009 г.), но все равно этот бизнес остался одним из самых стабильных.

Здесь необходимо упомянуть о «гарантированном перечне» и о «социальных выплатах». Федеральный закон «О погребении и похоронном деле» 8-ФЗ в ст. 9 зафиксировал очередное социальное обязательство о гарантированном предоставлении *на безвозмездной основе* супругу, близким родственникам или иному лицу, взявшему на себя обязанность осуществить погребение умершего, следующего *перечня услуг* по погребению: (1) оформление документов, необходимых для погребения, (2) предоставление и доставка гроба и других предметов, необходимых для погребения, (3) перевозка тела (останков) умершего на кладбище (в крематорий), (4) погребение (кремация с последующей выдачей урны с прахом), причем, качество предоставляемых услуг должно соответствовать требованиям, устанавливаемым органами местного самоуправления²⁴. Стоимость же услуг, пре-

²³ Согласно принятой в 1999 г. Монреальской конвенции, члены семей погибших пассажиров любой авиакомпании имеют право на получение 135 тыс. долл. вне зависимости от степени вины авиаперевозчика.

²⁴ В связи с ранее рассмотренными примерами вымогательств напомним, что российским законодательством гарантируется и возможность нахождения тела умершего в морге бесплатно до семи суток с момента установления причины смерти, в случае, если существуют обстоятельства, затрудняющие осуществление погребения (например, в случае поиска супруга либо законного представителя умершего) этот срок может быть увеличен до четырнадцати дней.

доставляемых согласно гарантированному перечню услуг по погребению должна определяться органами местного самоуправления по согласованию с соответствующими отделениями Пенсионного фонда РФ, Фонда социального страхования РФ, а также с органами государственной власти субъектов РФ и должна возмещаться ранее рассмотренным специализированным службам по вопросам похоронного дела в десятидневный срок.

Кто же обязан возместить расходы специализированных служб? Согласно тому же закону это должны делать различные государственные структуры. Так, *Пенсионный фонд РФ* должен заплатить за погребение умерших пенсионеров, не работавших на день смерти, *федеральный бюджет* – за погребение умерших неработающих пенсионеров, досрочно оформивших пенсию по предложению органов службы занятости, *Фонд социального страхования РФ* – за погребение умерших работавших граждан и умерших несовершеннолетних членов семей работающих граждан, *бюджеты субъектов РФ* – за погребение тех, кто не работал и не являлся пенсионером, а также в случае рождения мертвого ребенка по истечении 196 дней беременности. При этом Пенсионный фонд РФ и Фонд социального страхования РФ должны возместить специализированной службе по вопросам похоронного дела стоимость гарантированного перечня услуг по погребению в размере, не превышающем 4000 руб. с последующей индексацией, исходя из прогнозируемого уровня инфляции, установленного федеральным законом о федеральном бюджете на очередной финансовый год. В районах и местностях, где установлен районный коэффициент к заработной плате, стоимость гарантированного перечня услуг определяется с применением районного коэффициента. Во всех случаях все расходы *сверх* гарантированного перечня услуг по погребению производятся *за счет средств супруга* или иных лиц, взявших на себя обязанность осуществить погребение умершего.

Закон устанавливает также, что те, кому были предоставлены за счет бюджетных средств ритуально-похоронные услуги, не вправе получить установленные тем же законом *социальные пособия*. Что это такое? Это все те же 4000 руб. (с учетом инфляции и районных коэффициентов), которые должны выплатить гражданам, осуществившим погребение *за свой счет*, либо орган, в котором умерший получал пенсию, либо организация, в которой работал умерший (работает один из родителей или другой член семьи умершего несовершеннолетнего), либо орган социальной защиты населения по месту жительства в случаях, если умерший не работал и не являлся пенсионером, а также в случае рождения мертвого ребенка по истечении 196 дней беременности²⁵.

Государство, таким образом, не уклоняется от финансирования своих социальных обязательств по отношению к умершим гражданам и их семьям, но растут и цены на ритуально-похоронные услуги. Так, вполне по-рыночному повысились цены на гробы во время кризиса²⁶. К осени 2009 г. подорожало все, сотворенное из

²⁵ Выплата такого пособия производится в день обращения на основании справки о смерти, но только в том случае, если обращение за ним последовало не позднее шести месяцев со дня смерти.

²⁶ Материальная ценность гроба для многих людей всегда была велика. Например, в 2004 г. в Аннинском районе Воронежской области бывший председатель колхоза предлагал сельчанам в обмен на аренду земельных паев по тонне зерна, по 14 кг подсолнечного масла и по одному гробу.

древесины, – от спичек (в 2 раза с начала года) до корпусной мебели (на 12%) при том, что древесины в России не стало меньше, поскольку экспорт сократился почти на 60%. Средняя цена на деревянные гробы наиболее распространенных типов поднялась на 20% (на Чукотке в 2,6 раза), поскольку в отличие от той же мебели спрос на них не упал, а производители к тому же пытались компенсировать удорожание поставок китайских ручек, уголков, элементов отделки, рост транспортных и других тарифов. В Интернете можно было прочитать об «антикризисном предложении супергробов со значительным дисконтом»: цена снижалась со 120 тыс. руб. до 96 тыс. руб. В Москве с 3–5 тыс. руб. до 8 тыс. руб. возросла расценка на противозаконное распространение информации об умерших (сюжет о «черных агентах» ранее рассматривался) и т.д.

Дорожает земля, которую местным властям приходится либо выводить из хозяйственного оборота (и тем самым снижать налоговый потенциал территорий), либо дополнительно покупать. За последние годы цена земли под стандартное кладбище в 40 га возросла в центральной России на треть, а вблизи крупных городов – более чем на 60%. Устанавливаются и растут цены на все связанное со смертью, и внести гроб с телом великой Л.Г. Зыкиной в Концертный зал им. Чайковского для гражданской панихиды оказалось возможным только после уплаты 30 тыс. руб.

* * *

Начало 2010 г. ознаменовано радостным сообщением статистики о том, что впервые за многие годы в России преодолена тенденция вымирания: численность населения увеличилась на несколько тысяч человек. Но ведь есть неменьший ресурс – *снижение уровня смертности* (особенно, детей и людей в трудоспособном возрасте). Это не менее трудно, чем стимулировать деторождение, потому что для достижения и первой, и второй цели нужно изменить очень многое, и, прежде всего, наиболее консервативную ментальную составляющую нашего бытия. Нужно, чтобы в массовое сознание начала входить идеология тиллиховского «мужества быть» и ценности жизни, вытесняющая стереотипы агрессивно-инфантильного и безответственного поведения. Нужно отказаться от восприятия смерти, прививаемого бульварным чтивом, спецэффектами кино и компьютерными играми как чего-то незначительного и массово привлекательного («нет трупа – нет интереса»). Необходимо создание отечественных научных школ социологии смерти. Нужно воспитывать отношение к смерти как к итогу, а не как к завершению жизни. Такие темы почти не затрагивались в этой статье, но, может быть, к ним есть смысл вернуться в следующей публикации.

Литература

- Абрамов А.С. У кремлевской стены. М.: Политиздат, 1978.
Андреев Е.М., Вишневецкий А.Г. Вызов высокой смертности в России // Народонаселение. 2004. № 3.

- Андреев Е.М., Добровольская В.М., Шабуров К.Ю. Этническая дифференциация смертности // Социологические исследования. 1992. № 7.
- Андреев Е.М., Збарская И.А. Статистика смертности в России от причин алкогольной этиологии // Вопросы статистики. 2009. № 8.
- Артамонов М.Д. Введенские горы. М.: Московский рабочий, 1993.
- Беккер Г.С. Экономический анализ и человеческое поведение // Гэрри С. Беккер. Человеческое поведение: экономический подход. М.: ГУ-ВШЭ, 2003.
- Бондаренко С.В. Формирование комплекса ритуального обслуживания населения в условиях крупного города / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М.: 2008.
- Бондаренко С., Корсакова М., Косякова Е., Обижаева А., Шамов В., Шамова Е., Шукин М. Новосибирский некрополь. Новосибирск: 2009.
- Быков А.А. О методологии оценки стоимости среднестатистической жизни человека // Страховое дело. 2007. № 3
- Быков А.А., Мурзин Н.В. Проблемы анализа безопасности человека, общества, природы. СПб.: «Наука», 1997.
- Градова З. Паломничество на Форт-Росс // Православная Москва. 2009. Февраль. № 4 (454).
- Дубичева К. Кладбище на грядах // Российская газета. 11.03.2010.
- Кондратьева Л. Похороны в Италии // Похоронный дом. 2007. № 6–7.
- Кравчук-Смирнов А. Крематорий Инсбрука: с почтением и уважением к смерти // Похоронный дом. 2004. № 3.
- Кручина И.А., Лисанов М.В., Печеркин А.С., Сидоров В.И. К вопросу об оценке стоимости человеческой жизни // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. 2003. № 4.
- Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России. «Календарь для врачей на 1916 г». СПб.: 1916. 4.2.
- Орлов Г. Дороже памяти // Российская газета (Урал). 15.10.2008.
- Пуля И. В заложниках у «черного агента» // Российская газета 25.01.2010.
- Рау А.А. Разорванное звено истории // «Славянский рубеж» (изд. Отд. Обществ. междунар. фонда славянской письменности и культуры Борисоглебского МО Ярославской обл.). 2009. Июль. № 13.
- Скворцова В.И. Снижение заболеваемости, смертности и инвалидности от инсульта // Журнал неврологии и психиатрии. Приложение «Инсульт». 2007. Вып. 1.
- Скворцова В.И., Чазова И.Е., Стаховская Л.В. Вторичная профилактика инсульта. М.: ПАГРИ, 2002.
- Социально-демографическая безопасность России / Под редакцией академиков В.А. Черешнева и А.И. Татаркина. Екатеринбург. 2008.
- Справочник по ритуальному обслуживанию. Полное собрание нормативных актов. М.: 2008.
- Табеева Г.Р. Профилактика инсульта // Справочник поликлинического врача. 2006. № 3.
- Халтурина Д.А. Снижение производства алкоголя спасло жизни 66 тысячам россиян за первые семь месяцев 2006 г. // Наркология. 2006. № 12.
- Халтурина Д.А., Коротаев А.В. Алкоголь и наркотики как важнейшие факторы демографического кризиса в России // Наркология. 2006. № 8.
- Шевель В. Кладбище на дне озера // Российская газета. 26.04.2010.
- Ясперс Карл Общая психопатология. М.: Практика, 1997.
- Social Science and Medicine. 2002. Nov. №55 (10).